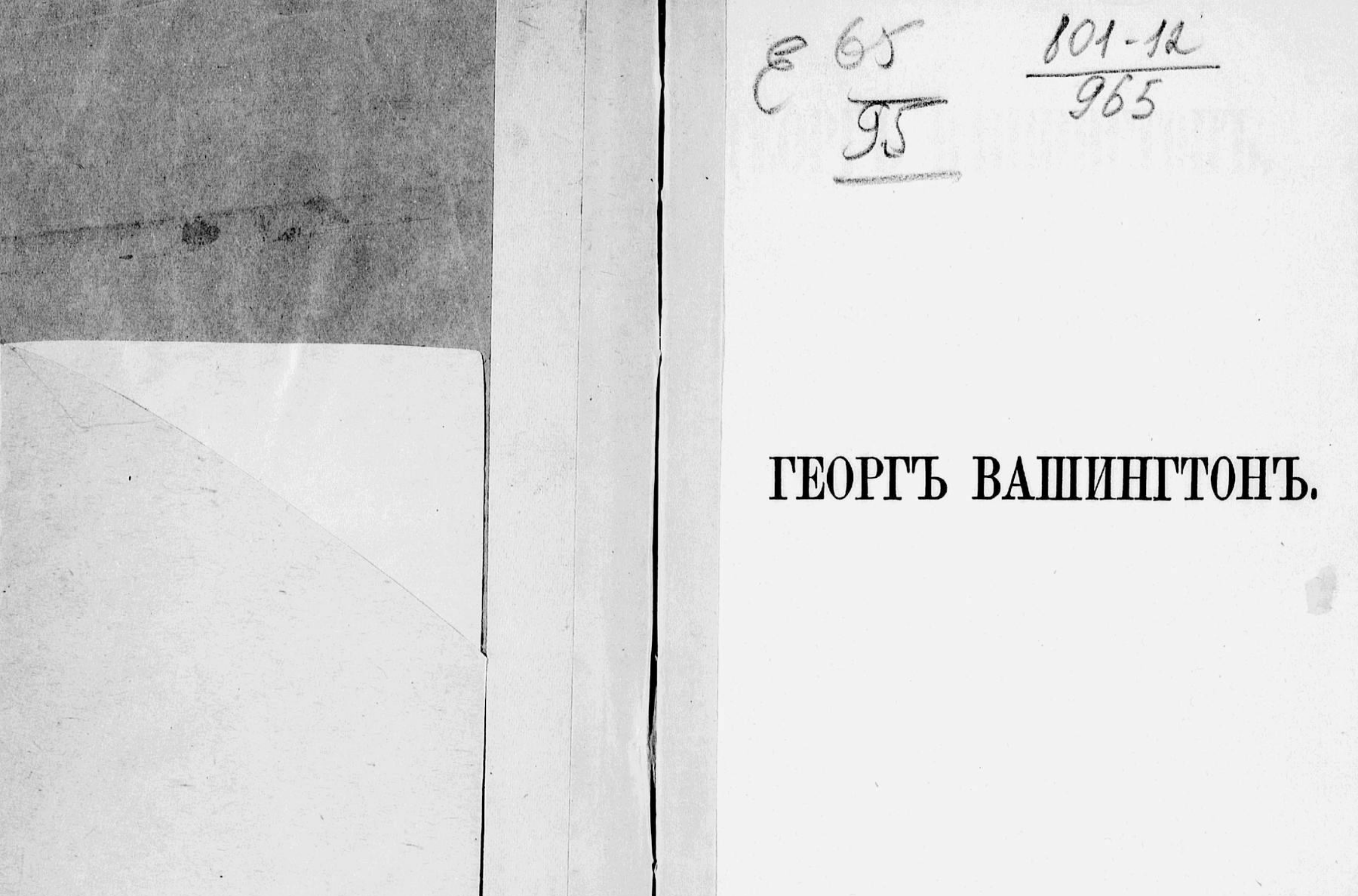

ГЕОРГЪ ВАШИНГТОНЪ.

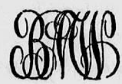
ГЕОРГЪ ВАШИНГТОНЪ.

сочиненіе

В. О. ГОРНА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

ИЗДАНІЕ МАВРИКІЯ ОСИПОВИЧА ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, №№ 18, 19 и 20.

МОСКВА, Кузнецкій мостъ, д. Рудакова.

1868.

Дозволено Цензурою. С. Петербургъ, 3 мая 1867 г.

Печатано въ типографіи М. О. Вольфа (Спб., Караванная, № 24).

ГЕОРГЪ ВАШИНГТОНЪ.

ГЛАВА I.

Сѣверо-Американскіе Штаты были первоначально англійскою колоніею. Колонія эта, населенная преимущественно англійскими переселенцами, была долго и тѣсно связана съ своею метрополіей законодательствомъ, управленіемъ, правительственными учрежденіями, образованіемъ, торговлею и нравами. Дитя-колонія расло и возмужало, а мать-метрополія не только хотѣла водить его по-прежнему на помочахъ, но взваливала на него новыя тяжести; ложно понимая свои собственныя выгоды, она вводила колонію въ убытки. Понятно, что возмужалое дитя невольно порвало помочи, сбросило съ себя обременительныя путы и, почуявъ свою силу, захотѣло жить своимъ умомъ и по своей волѣ.

Англія всею силою противилась этому отдѣленію. Произошла страшная, кровопролитная война, но побѣда осталась за юной силой. Сѣверная Америка стала страной свободной, составила для себя государственное уложеніе (конституцію) и установила необходимыя учрежденія.

Въ этой борьбѣ и въ послѣдующей мирной дѣятельности устроенія страны выступаетъ на первый планъ человѣкъ, невольно привлекающій наше сочувствіе; личность, равно обаятельная и въ битвѣ, и въ благородныхъ усиліяхъ умирить страну, насадить въ ней законъ и порядокъ, даровать народу возможность пользоваться благодѣтельными плодами мира. Онъ заставляетъ горячо полюбить себя; христіанская набожность, благородный образъ мыслей, гражданская честность, ясный умъ, вѣрное чувство — вотъ доблести этого великаго человѣка, равно великаго въ мирѣ и на войнѣ. Имя его — *Георгъ Вашингтонъ*.

Онъ родился 22 февраля 1732 года въ плантаціи Бриджъ-Крикъ, на берегу Потомака, въ провинціи Вестморлэндъ штата Виргиніи. Онъ былъ первый сынъ второй жены плантатора Августина Вашингтона, который своею дѣятельностію и прилежаніемъ достигъ значительнаго благосостоянія. Его предки, утомленные гражданскими междоусобіями и безпокойствами, которыя въ то время терзали Англію, около 1657 года выселились въ Америку и основались въ Виргиніи, гдѣ должны были очи-

щать почву отъ лѣсовъ, чтобы произвести первый посѣвъ; земледѣліе и скотоводство — вотъ чѣмъ жили они.

Отецъ Георга умеръ въ 1743 году, и здоровый ребенокъ остался на рукахъ матери, женщины благородной и любящей. Она-то заботилась и руководила воспитаніемъ Георга и другихъ дѣтей. Первыя сѣмена пламеннаго и искренняго благочестія были вложены ею же, и собственнымъ примѣромъ она учила ихъ правдивости, добросовѣстности честности и неутомимой дѣятельности. Послѣднее особенно было необходимо для этой отличной женщины, такъ какъ по духовной мужа она была назначена единственной распорядительницей значительныхъ помѣстьевъ до совершеннолѣтія дѣтей. А кромѣ этого, у нее было много чисто материнскихъ заботъ.

Но покойный зналъ свою дорогую жену; онъ зналъ, на кого возлагаетъ это тяжелое бремя. Она всей душой отдалась не только святѣйшей своей обязанности — воспитанію дѣтей, но и многочисленнымъ, часто запутаннымъ и затруднительнымъ занятіямъ, встрѣчавшимся при управленіи значительными помѣстьями и плантаціями.

Одно лишь мучило ее — это мысль о необходимомъ умственномъ развитіи дѣтей и особенно Георга, который былъ богато одаренъ природою. Этому помочь было нечѣмъ. Школъ не было, кромѣ сельскихъ, гдѣ всѣхъ учили только читать, пи-

сать и ариѳметикѣ; нанять учителя также было невозможно: его не откуда было взять. Оставалось только публичное училище. И въ этомъ-то убогомъ заведеніи Георгъ пріобрѣлъ начатки знаній. Они послужили, впрочемъ, хорошимъ фундаментомъ для дальнѣйшаго образованія, котораго Георгъ достигъ единственно неутомимымъ прилежаніемъ.

Богатые плантаторы избирали часто другой путь для образованія своихъ дѣтей: юношами они посылали ихъ во Францію или чаще въ Англію, чтобы тамъ окончить образованіе. Тѣ возвращались оттуда съ знаніями, которыя имъ были полезны въ будущности, но вмѣстѣ съ тѣмъ привозили новыя привычки, нравы и образъ жизни.

Также совѣтовали поступить и матери Георга, но она испугалась тѣхъ опасностей, которымъ могла подвергнуться нравственность ея сына; онъ былъ слишкомъ молодъ, чтобъ одному жить въ Парижѣ или Лондонѣ, и мать не рѣшалась отпустить сына. Она предпочла доставить ему въ книгахъ средства къ саморазвитію, на что онъ подавалъ большія надежды. Пасынки ея принимали живое участіе въ пріобрѣтеніи Георгомъ дальнѣйшихъ знаній и помогали ему.

Георгъ былъ мальчикъ серьезный, все обдумывающій и размышляющій. Онъ чувствовалъ сильную потребность расширить кругъ своихъ знаній и пылко хватался за всякую книгу, которая могла послужить ему средствомъ къ развитію. Такимъ образомъ, собственнымъ прилежаніемъ и обдуманными занятіями, достигъ онъ того, что другіе, болѣе счастливые, пріобрѣтаютъ въ хорошо устроенныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Изъ позднѣйшей жизни его мы узнаемъ и научимся цѣнить и уважать то, чего достигъ молодой Георгъ Вашингтонъ, самостоятельно работая и добиваясь.

Когда пришло время примѣнить и превратить въ капиталъ все добытое самодѣятельностью, тогда оказалось, что это огромный умственный капиталъ, съ котораго онъ получилъ богатые проценты. Мы должны съ глубокимъ уваженіемъ смотрѣть на серьезное и настойчивое стараніе и стремленіе этого юноши, который рано познамъ, что ничто такъ не вознаграждается, какъ прилежаніе, употребленное для развитія собственнаго ума.

Каковъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилкѣ, говоритъ пословица, и, дѣйствительно, можно еще въ ребенкѣ, въ его поступкахъ и особенно въ играхъ подмѣтить будущія окончательныя черты его характера. Это же высказывалось и въ Георгѣ Вашингтонѣ.

Еще въ дѣтскихъ играхъ въ немъ былъ видѣнъ будущій *„солдатъ Америки“*, какъ его впослѣдствіи прозвалъ народъ, и это имя стало его почетнымъ титуломъ. Онъ особенно любилъ играть въ солдаты. Съ сверстниками своими онъ упражнялся въ маршировкѣ или, раздѣливъ ихъ на два войска, производилъ сраженія и битвы, причемъ осмотри-

тельно составлялъ планы и такъ усердно и серьезно командовалъ при нападеніяхъ, какъ будто бы тогда уже былъ защитникомъ отечества. Съ большой охотой занимался онъ ткаже гимнастикой: любилъ бѣгать взапуски, скакать, бороться, метать тяжелые предметы, подымать тяжести, лазить и тому подобное. Это развивало и силу его мускуловъ, и терпѣливость; отъ этого у него были розовыя щеки и крѣпкое здоровье. Однимъ словомъ, онъ окрѣпъ тѣломъ, а это въ послѣдствіи весьма помогло ему переносить тѣ неудобства и лишенія, которыя испыталъ онъ, будучи землемѣромъ въ пустынѣ или офицеромъ и полководцемъ. Безъ такой неумышленной подготовки, онъ былъ бы не въ состояніи выполнить этихъ обязанностей.

Какъ ни охотно онъ предавался играмъ съ своими сверстниками, онѣ никогда не отвлекали его отъ того, что онъ считалъ своею обязанностію: отъ дальнѣйшаго умственнаго развитія, которое такъ много значило для него. Онъ любилъ порядокъ и чистоту въ писаніи или рисованіи; особенную способность имѣлъ къ предметамъ дѣловымъ. Такъ онъ часто упражнялся въ составленіи дѣловыхъ бумагъ: контрактовъ, записей, векселей, расписокъ и зналъ толкъ въ этомъ не хуже нотаріуса. Когда въ какой-нибудь книгѣ попадалось ему хорошее замѣчаніе, особенно если оно относилось до религіи или нравственности, онъ сейчасъ же, чтобы не забыть, чистенько и красиво выписывалъ

его въ назначенную для того тетрадь. Всѣ эти „нравственныя правила“ служили ему указаніемъ въ его жизни, полной чистѣйшей нравственности.

Но что особенно отличало его еще въ ранней юности, это чувство справедливости, неподкупная честность и любовь къ правдѣ. Этимъ пріобрѣлъ онъ любовь взрослыхъ и привязанность сверстниковъ. Случилась ли ссора или несогласіе въ кучкѣ товарищей, судьей выбирали всегда Георга, и всѣ безпрекословно подчинялись его рѣшенію.

Георгъ былъ горячъ и часто вспыльчивъ; но онъ боролся и побѣждалъ эти достойныя сожалѣнія вспышки. Этому, конечно, много содѣйствовала и его благородная мать. Ей стоило вымолвить лишь одно слово порицанія, чтобы сейчасъ же онъ созналъ свой проступокъ; потомъ онъ считалъ уже долгомъ не подавать повода нѣжно любимой имъ матери къ порицанію, даже къ кроткому предостереженію или напоминанію. Это была школа самообладанія, въ которой выработался твердый характеръ, — будущій герой, не терявшій присутствія духа въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни или на войнѣ, когда всѣ теряли голову. Это вмѣстѣ съ тѣмъ удержало его отъ юношескаго распутства и излишествъ.

Училище, находившееся въ окрестности, онъ посѣщалъ до шестнадцати лѣтъ, хотя и зналъ гораздо больше того, что тамъ преподавалось. Удерживало его въ немъ желаніе развиться еще болѣе,

и въ особенности, совѣты, которые иногда давалъ учитель, относительно землемѣрства и черченія плановъ. Это были его любимыя занятія, и занимался онъ ими не на бумагѣ, а съ цѣпью на окрестныхъ поляхъ. Такимъ образомъ онъ пріобрѣлъ рѣдкое умѣнье и способность въ этомъ полезномъ дѣлѣ.

Занимался онъ также сельскимъ хозяйствомъ на плантаціяхъ, принадлежавшихъ семьѣ. Здѣсь представлялась ему вполнѣ возможность доказать свою точность и разсудительность. Онъ аккуратно велъ книги по хозяйству и записывалъ приходъ и расходъ; за работами не только надсматривалъ, но и самъ сѣялъ, помогалъ городить поля, чтобы не опустошали ихъ звѣри или собственныя стада свиней и рогатаго скота, во время жатвы работалъ серпомъ, помогалъ вязать и ставить снопы, засѣвать и убирать табакъ съ полей.

При всемъ этомъ онъ находилъ еще достаточно времени бродить по лѣсу съ ружьемъ на плечѣ, охотясь за дичью, въ которой тогда было изобиліе. Что онъ особенно любилъ, это—возбуждающую лисью охоту, нестись за звѣремъ на горячемъ скакунѣ, — это понятно: охота была любимымъ удовольствіемъ американцевъ, равно какъ и англичанъ на ихъ родномъ островѣ.

Въ первый разъ юноша оставилъ свой родной кровъ шестнадцати лѣтъ, чтобы отправиться на долгое время къ брату Лоренцо Вашингтону.

У этого было хорошее и красивое помѣстье Монтъ-Вернонъ на берегу великой рѣки Потомака.

Какъ почти вездѣ въ то время, въ Америкѣ границы этого обширнаго помѣстья не были точно опредѣлены; поэтому братъ хотѣлъ, чтобы Георгъ измѣрилъ ихъ, а тотъ еще болѣе былъ радъ случаю быть полезнымъ. Съ обычною энергіей и жаромъ предался онъ этому занятію, окончилъ въ сравнительно короткое время эту немалую работу, означилъ границы камнями и такимъ образомъ обезопасилъ брату владѣніе имѣніемъ, которое со временемъ перешло къ нему, чего онъ тогда не могъ предвидѣть.

На счетъ дальнѣйшей жизни его далеко еще не было рѣшено ничего. Была у него юношеская любовь къ военному искусству, но выказать ее не было случая. Хотѣли было родные купить ему мѣсто гардемарина на какомъ-нибудь военномъ кораблѣ въ англійскомъ флотѣ, что не только возможно, но даже въ обычаѣ въ Англіи до сихъ поръ; но планъ этотъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны нѣжной матери.

Она не могла вынести мысли, что сынъ ея будетъ подвергаться опасностямъ на морѣ. Онъ же былъ такъ молодъ, а моряки такъ грубы, развращенны и безнравственны, — и она боялась ихъ вліянія. Она была воспитательницей его и опекуншей по завѣщанію и не соглашалась на это предложеніе. Да сомнительно, чтобы и самъ Георгъ осо-

бенно желалъ поступить во флотъ, такъ какъ никогда и нигдѣ не выказалъ къ нему особенной страсти.

Итакъ, этотъ планъ былъ отброшенъ, и, казалось, Георгъ на весь вѣкъ останется мирнымъ землемѣромъ.

Въ Виргиніи были тогда огромныя, неизмѣренныя пространства, принадлежавшія государству; на нихъ находились и покупатели, но только подъ условіемъ, что границы ихъ владѣній будутъ точно опредѣлены и утверждены правительствомъ.

Правительство давно бы исполнило это, то есть измѣрило бы и размежевало земли, если бы въ Виргиніи было довольно искусныхъ землемѣровъ. Въ это время съ молодымъ Георгомъ познакомился одинъ богачъ, находившійся въ родствѣ съ семействомъ Вашингтоновъ; онъ узналъ отъ брата Георга Лауренса о размежеваніи его помѣстья Монтъ-Вернона и разсмотрѣлъ планы, превосходно начерченные Георгомъ Вашингтономъ.

Это былъ лордъ Ферфаксъ, владѣвшій значительнымъ количествомъ земли въ Виргиніи и еще бо́льшимъ въ Аллеганскихъ горахъ. То были пустыни, покрытыя дѣвственными лѣсами, обширными болотами и небольшими рѣчками, гдѣ жили только дикіе индійцы, смертельные враги бѣлыхъ. Размежевать помѣстья сдѣлалось главною мечтою лорда, послѣ того какъ онъ узналъ о результатахъ размежеванія Монтъ-Вернона. Онъ поручилъ это дѣло

нашему молодому землемѣру, назначивъ ему большую награду, сообразно съ этой тяжелой работой.

Безлюдіе горъ, лишеніе всѣхъ удобствъ, доставляемыхъ порядочною домашнею жизнью, нездоровый климатъ болотистыхъ лѣсовъ и, еще болѣе, опасность попасться въ руки непріязненныхъ, безчеловѣчныхъ индійцевъ, — всего этого достаточно было, чтобы устрашить смѣльчака, и отбить его отъ этого дѣла.

Но эти-то самыя опасности для восемнадцатилѣтняго Вашингтона имѣли что-то привлекательное, возбуждающее, такъ что онъ безъ разговора принялъ предложеніе лорда Ферфакса. Какъ ни билось сердце любящей матери при мысли о безпомощномъ одиночествѣ ея сына въ этихъ непроходимыхъ, болотистыхъ лѣсахъ, объ опасности для его здоровья отъ сырого климата, болотистыхъ испареній и особенно отъ непримиримой вражды индійцевъ къ бѣлымъ, — но она должна была уступить, и Георгъ старательно принялся за приготовленія.

Ему надо было позаботиться о палаткахъ для себя и для спутниковъ, о коврахъ, постеляхъ, удобной одеждѣ и обуви, о необходимыхъ припасахъ, которыхъ нельзя было достать тамъ, о средствахъ къ защитѣ противъ индійцевъ и не только объ инструментахъ для межеванія, но и о топорахъ, чтобъ прорубать просѣки.

Надо было на долгое время отказаться отъ

удобствъ семейной жизни и приготовиться къ жизни, полной лишеній, гдѣ самому придется добывать съѣстные припасы.

Обо всемъ позаботились, и довольно большой, хорошо вооруженный отрядъ на коняхъ, взваливъ тяжести на муловъ, направился къ горамъ, въ которыхъ побывало тогда еще немного европейцевъ.

Прибывъ туда, они устроили себѣ простыя жилища, на сколько можно безопасныя отъ нападенія индійцевъ, устроили хозяйство и не медля приступили къ дѣлу.

До межеванія надо было еще прорубить просѣки, брести по болотамъ, во избѣжаніе крутыхъ скалъ, ловить рыбу и охотиться, чтобъ не изсякли запасы; но дѣло все-таки подвигалось впередъ, хотя и медленно, съ безчисленными трудностями и лишеніями, въ борьбѣ съ этой дикой природой, скалами, болотами и непогодою, отъ которой не было защиты, съ дремучими лѣсами и одиночествомъ. Молодой Вашингтонъ выносилъ все это и умѣлъ поддерживать бодрость въ спутникахъ. Онъ окончилъ межеваніе, начертилъ превосходныя карты и вполнѣ удивилъ лорда Ферфакса; да и не его одного: удивлялись всѣ, кто только узнавалъ объ этомъ и могъ оцѣнить это дѣло, которое было подъ силу только мужественному, терпѣливому и умному Георгу Вашингтону.

Что особенно было удивительно, такъ это его

отношенія къ дикимъ, враждебнымъ индійцамъ. Онъ часто встрѣчался съ ними, но внушающая уваженіе личность и достоинство молодаго человѣка отвращали всякое враждебное столкновеніе.

Никто не могъ понять, какъ удавалось ему оставаться на мирной ногѣ съ индійцами и внушить имъ уваженіе къ своей личности. Въ тѣ времена это было трудное дѣло. Но кто знаетъ, какъ поразительно дѣйствуетъ на грубыхъ людей высокій ростъ, статное сложеніе, смѣлость, спокойствіе, твердость, тотъ легко пойметъ, какое впечатлѣніе на индійцевъ производилъ стройный, высокій юноша.

Къ тому же, красивыя черты лица, большіе, умные и блестящіе глаза, юношеская подвижность, вмѣстѣ съ строгостью и достоинствомъ болѣе зрѣлаго возраста, ловкость, мѣткость въ стрѣльбѣ, неустрашимость, плѣнительныя черты его характера: ласковость, щедрость, снисходительность, даже самыя работы его, таинственныя и непонятныя для индійцевъ, — все это обаятельно дѣйствовало на нихъ, и они прозвали его: „юнымъ, но великимъ вождемъ.“ Ему нечего было ихъ бояться, да онъ и не боялся, а готовъ былъ при нуждѣ сражаться съ ними не на животъ, а на смерть.

Такъ стоялъ свободный и благородный юноша, мудрый, какъ старикъ, среди дикихъ свободныхъ дѣтей пустыни, и удивленіе, вмѣстѣ съ уваженіемъ къ нему, больше, чѣмъ боязнь, защищали его по-

добно стѣнѣ, за которой онъ могъ спокойно спать со своими спутниками или заниматься дѣломъ.

Что вытерпѣла за это время его бѣдная, любящая мать, преувеличивая въ своемъ воображенiи опасности, — невозможно описать; равно не выразить словами того сладостнаго чувства, какое охватило ее, когда она снова обняла своего сына, добраго, веселаго, довольнаго успѣшнымъ окончанiемъ работъ и лишь загорѣвшаго отъ солнца, дождя и вѣтра. Обезсилѣвъ отъ радости, она упала на колѣни, прильнула лицемъ къ землѣ и, обливаясь слезами, благодарила *Того,* Кто сохранилъ ея любимца отъ опасностей въ пустынѣ.

Въ этомъ порывѣ матери много сходства съ сыномъ. Взглядъ на жизнь его въ Аллеганскихъ горахъ намъ объяснитъ это.

Сердце Вашингтона было полно такого же глубокаго и искренняго благочестiя.

Оно ежедневно проявлялось въ немъ, какъ прежде въ родительскомъ домѣ, такъ и здѣсь, въ дѣвственномъ лѣсу, послѣ и на войнѣ, и въ мирные дни въ Монтъ-Вернонѣ. Лишь только онъ поднимался съ постели, какъ преклонялъ колѣни предъ Господомъ и отъ глубины души молитвою выражалъ благодарность за сохраненiе и спокойствiе въ ночи. Это благотворно дѣйствовало на его спутниковъ. Они были свидѣтелями этого, и, увлеченные примѣромъ молодаго начальника, сами становились на колѣни и тихо потворяли за нимъ слова молитвы,

свободно изливавшейся изъ благороднаго сердца. Передъ обѣдомъ онъ снова вмѣстѣ съ другими читалъ молитву, тоже дѣлалъ и передъ отходомъ ко сну. Поручивъ защитѣ и милосердiю Всевышняго своихъ родныхъ, находившихся далеко, спутниковъ и себя, завертывался онъ въ одѣяло, — и какъ крѣпко спалось имъ, измучившимся за ночь, на мягкой постели изъ моха.

Таковъ онъ былъ восемнадцатилѣтнимъ юношей, таковъ же онъ былъ героемъ на войнѣ, законодателемъ и представителемъ роднаго штата, простымъ гражданиномъ и плантаторомъ въ Монтъ-Вернонѣ и, наконецъ, президентомъ и главою Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки.

Никогда не забывалъ благородный человѣкъ Того, Кто никогда насъ не забываетъ; никогда не переставалъ благодарить Его за дары и любовь и, сознавая свое безсилiе и слабость, поручать себя Его защитѣ. И чѣмъ важнѣе было дѣло, предпринимаемое имъ, тѣмъ жарче была его молитва.

Старый лордъ Ферфаксъ былъ человѣкъ влiятельный. Видя многообѣщающiя способности Георга Вашингтона, онъ представилъ геройски и искусно исполненную работу его правительству. Послѣднее, нуждаясь въ подобныхъ людяхъ, поручило ему выгодную должность публичнаго землемѣра и сельскаго досмотрщика. Такимъ образомъ все межеванiе въ штатѣ Виргинiи перешло въ его руки, планы нуждались въ его подтвержденiи;

какъ „сельскій досмотрщикъ", онъ назначалъ цѣну при продажѣ имѣній.

Это была важная, вліятельная должность, требовавшая главнымъ образомъ строгой справедливости и неподкупности. Изъ этого ясно, что правительство штата Виргиніи не только безусловно вѣрило въ познанія молодаго человѣка, но было увѣрено въ его образѣ мыслей и убѣжденіяхъ. При этомъ не надо забывать, что при вступленіи въ должность Вашингтону было только *девятнадцать* лѣтъ!

Въ то время, когда Георгъ получилъ должность, земли на Огэйо не принадлежали положительно никому; права на нихъ предъявлялись съ трехъ сторонъ. Съ одной стороны, туземные индійцы, предки которыхъ съ незапамятныхъ временъ бродили по этой странѣ, пользовались ими, какъ дарованнымъ Богомъ „мѣстомъ охоты". Права эти во всякомъ случаѣ были гораздо справедливѣе тѣхъ, которыя предъявлялись англичанами, переселенцами въ эту страну, будто бы они *откупили* ее у туземцевъ. „Откупъ" этотъ производился такъ: сначала опаивали водкой индійцевъ, не имѣвшихъ никакого понятія о мѣрѣ земли и ея стоимости, а потомъ составлялись документы, подписанные ими, если они были въ состояніи это сдѣлать; о содержаніи документа опять-таки индіецъ ничего не зналъ. Англійская честность при этомъ черезчуръ сомнительна, такъ какъ главную роль играло количество выпитой водки.

Къ этимъ двумъ претендентамъ присоединился еще третій — французы изъ Канады, основываясь на томъ, что они, первые открыли эту землю; это значитъ, что два француза плыли въ лодкѣ внизъ по Миссиссипи и *видѣли* берега. Не удивительно поэтому, что однажды, въ тѣ дни, индійскіе вожди спрашивали правительство Виргиніи: „Если французы возьмутъ землю по одну сторону Огейо, а англичане все по другую, то гдѣ же та земля, на которой намъ жить?" Но о бѣдныхъ индійцахъ никто не думалъ.

Такъ какъ французы угрожали нападеніемъ изъ Канады, а индійцы грабили и рѣзали въ этой странѣ, то англичанамъ надо было защитить оружіемъ предъявляемыя права на владѣніе. Была собрана для этого „милиція", войско изъ гражданъ, и для обученія ея выбраны „генералъ-адъютанты". Въ Виргиніи выборъ палъ на молодаго Вашингтона. Онъ получилъ чинъ майора и вліятельное, первенствующее мѣсто; это тѣмъ болѣе важно, что довѣряли его способностямъ, а по молодости лѣтъ онъ могъ скорѣе внушить недовѣріе. Вскорѣ увидѣли, что не ошиблись въ немъ. Чтобъ сдѣлаться вполнѣ достойнымъ занимаемой должности, онъ горячо принялся за изученіе военнаго искусства, учился фехтовать, стрѣлять въ цѣль; словомъ, готовился какъ можно лучше выполнить то, что отъ него требовалось.

Около этого времени въ Вильямсбургъ пришло

извѣстіе, что французы напали и хотятъ укрѣпиться на Огейо.

Рѣшено было отправить посла съ двойнымъ порученіемъ: побудить французовъ удалиться и привлечь индійцевъ на сторону англичанъ.

Кому было поручить это, какъ не молодому человѣку, который хорошо зналъ данную мѣстность еще со времени межеванія земель лорда Ферфакса, и котораго такъ уважали индійцы? Посломъ выбрали Вашингтона.

Поздно осенью, въ 1753 году, выѣхалъ онъ изъ Вильямсбурга. Путь, который предстоялъ ему, въ это ненастное время года, простирался на 112 нѣмецк. миль или 780 верстъ. Это была пустыня, безъ дорогъ и тропинокъ, гдѣ въ горахъ служилъ препятствіемъ снѣгъ и ледъ, а въ долинахъ разлившіяся воды. Какъ ни превосходно былъ онъ снаряженъ, какъ ни хорошо знали эту страну опытные его спутники, но все-таки надо было имѣть сильную волю и достаточный запасъ смѣлости и рѣшимости, чтобы бороться для пользы отечества съ неблагопріятностями времени года и страны, и снова преодолѣть тѣ трудности, которыя онъ испыталъ уже при межеваніи, и которыя въ *это* время года были еще больше.

Его ничто не испугало, онъ смѣло побѣдилъ всѣ препятствія, пріобрѣлъ довѣріе индійцевъ, такъ называемыхъ „шести народовъ", заключилъ съ ними союзъ и достигъ, наконецъ, французскаго лагеря.

Тамъ встрѣтили его, правда, дружественно, но дѣломъ медлили и въ заключеніе дали отвѣтъ уклончивый и неблагопріятный.

Но кто подумаетъ, что молодой посолъ пробылъ совершенно празднымъ въ то время, когда его съ намѣреніемъ задерживали, тотъ неправильно судитъ объ этомъ американцѣ. Онъ превосходно воспользовался свободнымъ временемъ, вполнѣ развѣдалъ о силѣ, вспомогательныхъ средствахъ и числѣ судовъ и кораблей, на которыхъ французы переплыли чрезъ озеро.

Какъ ни были велики трудности и лишенія во время странствованія въ лагерь, но на обратномъ пути они были еще больше.

Только въ половинѣ января 1754 года воротился Вашингтонъ въ Вильямсбургъ въ самомъ печальномъ положеніи.

Англичане, сильно недовольные и раздраженные отвѣтомъ французскаго главнокомандующаго, должны были готовиться къ войнѣ. Началась „французско-англійская война за колоніи", какъ ее обыкновенно называютъ, и окончилась только въ 1763 году. Едва двадцати лѣтъ, Вашингтонъ былъ выбранъ начальникомъ войскъ отъ Виргиніи. Походъ былъ тягостенъ и полонъ опасностей, чрезъ непроходимыя Аллеганскія горы, болотистые, дѣвственные лѣса, стремительныя воды; но Вашингтонъ хорошо зналъ эту страну, умѣлъ побѣждать препятствія, былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ ин-

дійцами и подобнымъ образомъ пріобрѣталъ выгоды, которыхъ не могли достигнуть другіе предводители. И они-то именно, побѣждаемые *всегда*, когда *не слѣдовали* совѣтамъ Вашингтона, много содѣйствовали къ увеличенію его приверженцевъ, довѣренности и уваженію правительства къ нему.

Талантъ предводительствовать войсками и личную храбрость Вашингтонъ доказалъ многочисленными примѣрами; онъ умѣлъ вывернуться изъ самаго затруднительнаго положенія. Замѣчательно, какъ онъ, не смотря на то, что непрестанно подвергался опасностямъ, не получилъ ни малѣйшей царапины въ эту долгую войну. Были даже случаи, какъ разсказывалъ, пятнадцать лѣтъ спустя, самому Вашингтону старый индіецъ, служившій тогда у французовъ, что онъ съ товарищами мѣтилъ прямо въ него, Вашингтона, но не попалъ. Они заключили поэтому, что „великій духъ“ (такъ называютъ они Бога) особенно покровительствуетъ ему и не допускаетъ его смерти, и послѣ того не стрѣляли въ него, чтобы не противиться божественной волѣ.

Французы потеряли Канаду, и въ концѣ этой достопамятной войны молодой герой покрылся блистательной славой, имя его произносили съ восторгомъ и признательностію во всѣхъ штатахъ Америки. Онъ заслужилъ это своимъ превосходнымъ талантомъ, какъ полководецъ, и своею личною храбростію.

Вашингтонъ, хотя ему было всего двадцать шесть лѣтъ, — былъ не такой человѣкъ, котораго могла бы отуманить или сдѣлать высокомѣрнымъ далеко распространившаяся слава. Другой на его мѣстѣ не бросилъ бы службы. Онъ недолго раздумывалъ, оставить или нѣтъ высокое мѣсто, занимаемое имъ въ виргинской арміи. Онъ оставилъ его въ 1758 году: страшные труды разстроили его здоровье.

Виргиніи нечего было теперь опасаться, и она не нуждалась въ немъ; впрочемъ здѣсь, нельзя умолчать, что онъ бросилъ службу, недовольный главнымъ англійскимъ начальствомъ, потому что оно нарочно затрудняло и останавливало всѣ его распоряженія, основанныя на знаніи страны и обстоятельствъ. Какъ ни просили, даже заклинали его сослуживцы не покидать ихъ, онъ отказался отъ мѣста, не смотря на то, что на это жаловались и солдаты, и офицеры. Изъ долгаго похода вынесъ онъ разстроенное здоровье, но вмѣстѣ и сознаніе своихъ заслугъ и почетное, распространившееся по всей странѣ имя „солдата Америки“.

Къ оставленію занятій побуждали его, кромѣ того, еще два обстоятельства. Старшій братъ его, владѣлецъ богатаго помѣстья Монтъ-Вернонъ, умеръ, и Георгъ Вашингтонъ получилъ въ наслѣдство это самое завидное имѣніе. Кромѣ того, было у него еще другое на сердцѣ. Онъ познакомился съ молодой и любезной вдовой Мартою Кустисъ и хо-

тѣлъ жениться на ней, чтобы такимъ образомъ вмѣстѣ съ почетнымъ положеніемъ въ средѣ граждан имѣть и свой домашній очагъ. У молодой жены его было двое дѣтей отъ перваго супружества. Въ немъ они пріобрѣли любящаго отца, который никогда не допускалъ мысли, что онъ для нихъ только отчимъ. За женой пришло значительное приданое, что вмѣстѣ съ его имѣніемъ составило просто богатство, и онъ спокойно и весело могъ смотрѣть на будущее.

Онъ твердо рѣшился жить мирною семейною и сельскою жизнью, тѣмъ болѣе, что нашелъ много занятій по сердцу, которыя не лишали его, при мирномъ уединеніи, общества умныхъ людей. Монтъ-Вернонъ и его владѣлецъ привлекали изъ окрестностей и издалека всѣхъ, кто умѣлъ цѣнить достоинства, безпритязательно скрывавшіяся здѣсь, въ тишинѣ. Но Вашингтону не удалось совсѣмъ отказаться отъ общественной дѣятельности; граждане не могли въ границахъ Виргиніи найти другаго человѣка, болѣе способнаго быть представителемъ ихъ и оберегать ихъ благосостояніе. Въ первый разъ, когда онъ присутствовалъ въ собраніи въ Вильямсбургѣ, президентъ выразилъ ему благодарность и уваженіе согражданъ, такъ что Вашингтонъ, не обладавшій особеннымъ даромъ краснорѣчія, глубоко тронутый, окончательно запутался въ своей скромной отвѣтной рѣчи. Президентъ, увидя это, сказалъ: „Сядьте, Вашингтонъ, скромность ваша

такъ же велика, какъ храбрость, заслуживающая такой хвалы, какую словами я выразить не умѣю!“ При этомъ все собраніе встало со своихъ мѣстъ, и голоса всѣхъ слились въ одинъ благодарственный крикъ.

Вѣрно, безкорыстно и неутомимо служилъ Вашингтонъ тутъ, пока другія обстоятельства не отозвали его на новый путь для блага отечества; но и въ тѣсномъ, окружавшемъ его, кругу заботился онъ объ интересахъ общины, какъ церковный староста, и заслужилъ такъ же, какъ и на болѣе обширномъ полѣ дѣятельности, уваженіе, любовь и благодарность.

ГЛАВА II.

Мы уже говорили, какъ обращалась Англія съ Сѣверною Америкою, — жестоко и не дружелюбно. Американцы, гордясь льготами, дарованными имъ въ прежнее время, твердо отстаивали и ссорились за нихъ въ англійскомъ парламентѣ, который, казалось, вовсе не сознавалъ, что колонія давно переросла метрополію. Взаимное негодованіе расло годъ отъ году, вѣрнѣе, день ото дня, и, наконецъ, когда лондонскій парламентъ захотѣлъ ввести въ Америкѣ пошлину за гербовую бумагу, чересчуръ натянутыя связи порвались.

Всѣ американцы были недовольны этимъ произвольнымъ и несправедливымъ налогомъ.

Образовались общества, рѣшившіяся не покупать англійскихъ товаровъ, и вообще старались не допускать во всей Сѣверной Америкѣ никакого привоза изъ Англіи. Начавшись въ Бостонѣ, движеніе охватило всю Виргинію и продолжалось дальше. Это вскорѣ болѣзненно отразилось въ Англіи.

Что Вашингтонъ былъ также очень взволнованъ обращеніемъ англичанъ съ американцами, это понятно. Въ народномъ собраніи онъ рѣшительно высказалъ свое мнѣніе и, конечно, былъ *противъ* Англіи. Для него дороже всего была свобода отечества, сохраненіе дарованныхъ правъ. Противодѣйствуя этимъ мѣрамъ американцевъ, англійскій парламентъ закрылъ бостонскую гавань и уничтожилъ льготы колоніи. Это заставило всѣ штаты Америки на общемъ собраніи обсудить свое положеніе. Во всѣхъ частяхъ Виргиніи составлялись приготовительныя собранія. Постановлялись смѣлыя рѣшенія. Кто желалъ добра Америкѣ, стоялъ горой за общее дѣло и готовъ былъ драться съ англичанами.

Вашингтонъ принималъ живое участіе въ провинціальныхъ собраніяхъ. Вслѣдствіе требованія народа, общее собраніе Виргиніи приняло всѣ рѣшенія и постановило выполнить ихъ. Полковникъ Вашингтонъ былъ свой народу и вскорѣ получилъ новыя доказательства любви и уваженія народнаго.

Въ Виргиніи составлялись „отряды охотниковъ", народное войско, приготовлявшееся къ жестокой, кропролитной войнѣ, такъ какъ извѣстно было, что

Англія приметъ всѣ мѣры противъ распространявшагося въ Америкѣ движенія. Предводителемъ войска въ пространной Виргиніи всѣми единогласно избранъ былъ Вашингтонъ.

Это избраніе было очень важно, такъ какъ Виргинія была начинательницей возстанія.

Съ живѣйшимъ желаніемъ и любовью принялъ Вашингтонъ это назначеніе, такъ какъ не было сомнѣнья, что произойдетъ серьезная борьба. Здѣсь уже приготовлялись такимъ образомъ къ отпору, а въ мѣстахъ болѣе промышленыхъ волненіе было еще большее, потому что у народа были одни стремленія.

Запрещеніе на ввозъ англійскихъ товаровъ въ Америку было принято и объявлено, и надо было позаботиться о средствахъ вознаградить за это страну. И здѣсь были успѣшны совѣты и дѣйствія Вашингтона. По его предложенію, составились общества, тотчасъ же приступившія къ устройству фабрикъ и производству всего необходимаго, чтобы не поднялись значительно цѣны или не встрѣтилось недостатка. Такимъ образомъ двояко готовились къ борьбѣ съ Англіей; ей можно было уже опасаться потерять всѣ свои американскія владѣнія.

Въ 1775 году долженъ былъ произойти разрывъ, который повлекъ за собою, послѣ долгой и кровавой войны, полное отдѣленіе колоніи отъ Англіи.

Неблагоразуміе послѣдней скоро повлекло за собою бѣду. Англичане были слѣпы. Они не хотѣли

никакого мирнаго соглашенія. Рѣшить должна была грубая сила. Или они не понимали, что на ударъ отвѣтятъ ударомъ же; или не знали сильнаго, крѣпкаго народа сѣверо-американскаго; принимали ли попытки къ мирному соглашенію за слабость,— только высокомѣріе ихъ возрастало.

Бѣдствіе началось въ Бостонѣ. Англія заперла гавань для торговли. Права Виргиніи были нарушены, и солдатское своеволіе явилось на мѣстѣ закона.

Гагъ, англійскій генералъ, высадилъ солдатъ на берегъ, гдѣ они ужасно хозяйничали. Два города по близости взялись за оружіе. Гагъ хотѣлъ взять ихъ, но по всей окрестности ударили въ набатъ, вооруженный народъ былъ готовъ къ отпору, и при Лексингтонѣ произошла первая стычка между англичанами и американцами. Англичане потерпѣли кровавое пораженіе и, отовсюду угрожаемые и преслѣдуемые, отступили. Этого они не ждали вовсе: дальнѣйшія событія не заставили себя ждать.

Главнаго нападенія англичанъ надо было ждать изъ Канады, гдѣ у нихъ были сильныя крѣпости Тикондераго и Кроунъ-Поинтъ. Взять ихъ предстояло жителямъ Конектикута. Они покорили оба эти укрѣпленія, взяли въ плѣнъ защитниковъ, 120 пушекъ, первыя у народнаго ополченія, и на озерѣ одинъ англійскій военный корабль. Въ ихъ руки достался въ этомъ походѣ еще одинъ фортъ.

Подъ Бостономъ также сражались. Битва здѣсь оказалась неравною, такъ какъ американцы были совершенно неопытны, и имъ недоставало оружія. Преимущество ихъ заключалось въ томъ, что они имѣли съѣстные припасы. Въ городѣ же была нужда, и англійскій главнокомандующій толпами выгонялъ оттуда жителей и дѣлалъ это тѣмъ охотнѣе, что въ Бостонѣ была оспа, и онъ надѣялся заразить ею американскій лагерь, въ чемъ, къ несчастію, и успѣлъ.

Подкрѣпленіямъ, которыя посылались изъ Англіи, предписывалось рѣшительно расправиться съ *мятежниками;* такъ называли англичане американцевъ, вынужденныхъ взяться за оружіе. Гагъ не замедлилъ выступить снова.

Когда американцы замѣтили, что непріятель хочетъ занять Бункергильскія высоты, то, пользуясь ночною темнотою, сами заняли ихъ и окопались.

До чрезвычайности удивленные и огорченные англичане увидѣли, что ихъ перехитрили и попробовали убійственнымъ огнемъ выгнать американцевъ изъ этой позиціи; но это не удалось. Тогда они пошли на приступъ, и два раза неопытные американцы отбивали своихъ противниковъ. Англичане сожгли Чарльстонъ, и генералъ Клинтонъ снова жестоко напалъ съ моря и суши. Американцы не поколебались и тогда, когда англійскіе корабли подняли страшный огонь въ тылу у нихъ; у нихъ вышли боевые снаряды, и, за неимѣніемъ штыковъ,

они бились *прикладами*. Но непріятель наступалъ все сильнѣе, положеніе ихъ становилось все хуже, и они, храбро сражаясь, отступили. Побѣда осталась за англичанами, но она была куплена такъ дорого, что пораженіе подѣйствовало на американцевъ, какъ побѣда. Они поняли теперь, что́ можно дѣлать при хорошемъ вооруженіи. Англичане, съ своей стороны, видя, съ какимъ трудомъ досталась имъ, опытнымъ въ военномъ дѣлѣ, побѣда, стали уважать своихъ противниковъ.

Вдвойнѣ тягостно для американцевъ было начало этой войны за единство и права: тягостно потому, что это была война между братьями и начиналась такъ кроваво; но исходъ былъ одинъ, какъ выразился благородный Вашингтонъ: или проливать кровь, или идти въ рабство. Чувствуя въ себѣ достаточно силы, американцы не колебались въ выборѣ. Англичане довели ихъ до крайности, заставили взять въ руки мечъ и хотѣли столкнуть въ пропасть, но она разверзла свой зѣвъ для нихъ самихъ.

Какъ ударъ волшебнымъ жезломъ, возбуждающій всѣ силы, пронеслась для всѣхъ способныхъ сражаться вѣсть о бункергильской битвѣ.

Неопытные противъ опытныхъ солдатъ! восклицали вездѣ. Такая побѣда легка и не приноситъ славы; но она куплена дорогой цѣной, и мы задали жара этимъ безпощаднымъ краснокафтанникамъ!

Покуда вездѣ точили мечи, въ Филадельфіи въ

Пенсильваніи собрался Генеральный Конгрессъ, т. е. собраніе представителей всѣхъ сѣверо-американскихъ, бывшихъ англійскихъ, провинцій, — чтобы строго обсудить, въ какое положеніе должна стать колонія къ метрополіи.

Это дѣло было трудное. Они *не расходились* въ мнѣніяхъ, что надо свергнуть англійское иго, но предлагали разные способы для этого. Мнѣнія раздѣлились даже относительно того, до какихъ поръ слѣдуетъ простирать возстаніе. Частныя выгоды и привилегіи значили еще много, и было видно, что Англія имѣла бы достаточно приверженцевъ, если бы дѣйствовала кроткими мѣрами.

Главная же задача конгресса состояла въ томъ, чтобы образовать союзъ, сплотить въ одно цѣлое всѣ разрозненные и отдѣльно управляемые штаты и колоніи Сѣверной Америки; далѣе, дѣло заключалось въ томъ: быть войнѣ или миру? Надо было попробовать заключить союзы съ иностранными государствами; учредить все для войны на сушѣ и на морѣ, назначить главнокомандующаго: все это были обстоятельства, которыхъ до сихъ поръ не приходилось обсуждать американскимъ гражданамъ. Особенно силенъ былъ недостатокъ въ оружіи, пушкахъ, порохѣ и свинцѣ и прежде всего выступалъ важный „вопросъ о деньгахъ!“ Необходимы были учрежденія, приказы, законы и, вмѣстѣ съ обсуждающимъ конгрессомъ, *исполнительная* власть, для проведенія его постановленій.

Собраніе должно было раздѣлиться на части, чтобъ предпринять отдѣльныя работы и, по мѣрѣ приготовленія, представлять ихъ на утвержденіе всего собранія.

Это была гигантская работа; надо было строить зданіе, не имѣя подъ руками матеріаловъ и будучи не въ состояніи употребить всѣхъ силъ.

Нуженъ былъ человѣкъ, который бы побуждалъ, требовалъ, соединялъ всѣхъ, увлекалъ примѣромъ, жертвуя всѣмъ для цѣлаго, оставаясь назади въ частностяхъ.

Читатели наши знаютъ уже этого человѣка, на котораго были устремлены взоры всѣхъ, который былъ столько же умѣренъ въ своемъ честолюбіи, сколько силенъ въ привязанности къ родинѣ: это былъ Георгъ Вашингтонъ.

Можно было бы думать, что онъ не произведетъ впечатлѣнія на такое большое собраніе, такъ какъ ему недоставало двухъ вещей: увлекательнаго краснорѣчія и желанія выставиться. Такъ мы разсказывали уже, что онъ не могъ публично говорить. Рѣчи его всегда были коротки; но въ простыхъ и ясныхъ словахъ онъ объяснялъ всегда *суть дѣла*, и слова эти казались слушателю справедливыми, настоящими, продуманными, выходящими изъ честнаго, благороднаго сердца. Это было его преимущество, котораго не имѣли многіе ораторы, слывшіе за краснорѣчивыхъ; и удивительно, — его слушало все собраніе не проронял ни одного слова, и рѣчи его сопровождались рѣшительнымъ успѣхомъ.

Наружность этого человѣка казалась всѣмъ честною, правдивою и глубоко проницательною; но онъ не искалъ сочувствія. Онъ оставался всегда строгимъ и сдержаннымъ, не отступалъ никогда отъ дѣла, заставлялъ искать себя и не заискивалъ ни въ комъ. Къ тому же и слава его во всей Америкѣ, все содѣйствовало къ тому, что его, самаго молодаго въ конгрессѣ, выбирали во всѣ комитеты.

Всѣ были согласны, что *надо* образовать армію и дать ей хорошаго предводителя; но кого же? На такой важный постъ долженъ быть выбранъ человѣкъ *всѣми, единогласно*. Это, кажется, была самая трудная задача для такого огромнаго собранія, при такихъ различныхъ воззрѣніяхъ.

Нечего, конечно, упоминать, что взоры многихъ сейчасъ же упали на Вашингтона. Но и здѣсь появилось многозначащее „но“, такъ часто встрѣчающееся въ рѣшеніяхъ и дѣлахъ человѣческихъ.

Были офицеры, достоинства которыхъ нельзя было оспаривать; въ сравненіи съ ними Вашингтонъ былъ слишкомъ *молодъ*, и всѣхъ брало раздумье: подчинить ли ихъ ему. Недовольные этимъ назначеніемъ, они могли совсѣмъ отказаться отъ службы. Кромѣ того, надобно было озаботиться, чтобы зависть впослѣдствіи не помѣшала дѣлу. Наконецъ, надо было принять во вниманіе отдѣльное положе-

ніе южныхъ штатовъ, и еще вопросъ состоялъ въ томъ, согласятся ли они выбрать человѣка съ Сѣвера?

Изъ этого видно, что уже тогда существовали причины къ несогласію между сѣверными и южными штатами, повлекшія за собой впослѣдствіи такія бѣдствія. Но чего ни пробовали, какіе ни приводили доводы, предъ глазами избирателей являлся только Вашингтонъ, и — любовь къ отечеству, побѣдила наконецъ, всѣ препятствія. Во главѣ войска былъ поставленъ достойнѣйшій: 15 іюня 1775 года Георгъ Вашингтонъ *единогласно* былъ избранъ главнокомандующимъ арміей Соединенныхъ Штатовъ. Что онъ въ своемъ смиреніи и скромности ясно сознавалъ честь, но вмѣстѣ съ тѣмъ и тяжесть обязанности и долгъ, принимаемый на себя, показываютъ слѣдующія его слова къ предсѣдателю конгресса, когда тотъ объявилъ ему результатъ выбора. Онъ сказалъ: „Чтобы, впослѣдствіи, если счастье будетъ не на нашей сторонѣ, не оклеветали моего добраго имени, я прошу членовъ этого собранія не забыть, какъ я сегодня откровенно сознаюсь, что не могу выполнить обязанности званія, возлагаемаго на меня съ такимъ почетомъ.“ Громкій, сочувственный крикъ былъ отвѣтомъ на это заявленіе отъ глубины души.

Когда конгрессъ назначилъ главнокомандующему мѣсячное содержаніе около 500 рублей, Вашингтонъ снова всталъ и сказалъ: „Да позволитъ мнѣ конгрессъ заявить, что я не собираюсь извлекать для себя ни малѣйшей выгоды изъ этой трудной должности, такъ какъ для собственной пользы я не разстался бы никогда съ домашнимъ счастіемъ и покоемъ. Я буду вести точный счетъ выдачамъ; ихъ, я не сомнѣваюсь, мнѣ уплатятъ, а больше мнѣ ничего не нужно.“

Нечего объяснять, конечно, что эти слова честнаго человѣка подѣйствовали на собраніе, какъ электрическій ударъ. Если и были у него непріязненные противники, то они были побѣждены этими двумя заявленіями; они доказали конгрессу, что избранъ былъ всѣхъ достойнѣйшій.

Онъ же въ тихой комнатѣ, преклонивъ колѣни предъ Господомъ силъ, молилъ его о силѣ, разумѣ, терпѣніи и о побѣдѣ правому дѣлу; подкрѣпленный молитвою, онъ тотчасъ же принялся за дѣло.

Надо было возбуждать, приводить въ порядокъ, творить! Была только безпорядочная масса, не привыкшая повиноваться, не раздѣленная, неопытная въ военномъ дѣлѣ. Это была задача, гдѣ требовалось терпѣніе, благоразуміе и полное желаніе отдаться дѣлу, чего едва можно требовать отъ одного человѣка.

Надо было ѣхать къ Бостону, такъ какъ тамъ собиралось народное войско, нуждавшееся въ вождѣ.

21 Іюня Вашингтонъ уже оставилъ Филадельфію, сопровождаемый двумя генералами и отрядомъ конницы. Народъ встрѣчалъ его повсюду съ невыразимымъ одушевленіемъ. Вездѣ узнавали, что кон-

грессъ посылаетъ настоящаго человѣка; говорили: „не бѣда, что онъ молодъ." Народное одушевленіе было для него, свободнаго отъ честолюбія, утѣшеніемъ и побуждало его еще болѣе къ дѣятельности; но тутъ же являлся вопросъ: выполнишь ли ты то, за что взялся? И тогда съ мольбою обращался онъ къ Богу, отъ котораго только могли снизойти и силы, и благословеніе.

Съ такимъ же восторгомъ встрѣченъ онъ былъ и арміею, простиравшеюся уже до 14,500 человѣкъ. Это подавало надежду, что въ разрозненное до сихъ поръ войско легко будетъ внести единство, которому оно покорится съ уваженіемъ и любовью; но въ какомъ же положеніи нашелъ онъ войско? Одѣтое въ лоскутья, безъ палатокъ, нуждающееся въ оружіи и припасахъ! Въ арміи не было и слѣда дисциплины. Солдаты были сами недовольны безпорядкомъ, бѣдствія котораго испытывали, и не хотѣли приложить рукъ, чтобъ уничтожить его. Всякій приказывалъ, никто не повиновался. Связывала ихъ только ненависть къ англичанамъ-краснокафтанникамъ и опасность.

Такая картина представилась главнокомандующему и, по правдѣ сказать, была не очень утѣшительна.

Вашингтонъ увидѣлъ, какая масса затрудненій стоитъ передъ нимъ. Имѣя другой характеръ, онъ ужаснулся бы; но какъ вездѣ, такъ и здѣсь онъ сумѣлъ прямо взглянуть на дѣло, съ знаніемъ людей и разумомъ соединить и кротость, и строгость. Онъ одинъ умѣлъ привести это смятеніе въ порядокъ, обѣщавшій успѣхъ; но кажется почти чудомъ, какъ онъ могъ достичь цѣли, не смотря на всѣ препятствія и затрудненія. Тѣмъ болѣе, что ему приходилось сноситься не съ однимъ генеральнымъ конгрессомъ, но съ правительствомъ каждаго штата; исполненіе просьбъ его, — требовать онъ не могъ, — чрезвычайно замедлялось; до отчаянія доводила его медленность въ прибытіи войскъ, поставкѣ амуниціи, оружія и даже съѣстныхъ припасовъ: издалека положеніе арміи казалось гораздо лучше, чѣмъ въ дѣйствительности.

Новое бѣдственное положеніе обрушилось на Вашингтона, побѣдить которое было трудно. Англійскіе корабли крейсировали вдоль берега, то здѣсь, то тамъ высаживали войска, которыя грабили и жгли города и рѣзали, хуже индійцевъ, жителей, попадавшихся имъ въ руки. Это было неслыханное варварство и жестокость, но случалось очень часто.

Жители приморскіе просили о помощи и защитѣ; но какъ же могъ доставить это Вашингтонъ? Ему надо было вчетверо болѣе войска, чѣмъ было у него подъ Бостономъ, для защиты длиннаго морскаго берега. Тогда поднялись на него горькія жалобы, и распространилось противъ него неудовольствіе въ этой области. Въ его лагерь являлись послы и депутаціи, но онъ такъ откровенно и убѣдительно излагалъ имъ всѣ обстоятельства, что де-

путаціи спокойно возвращались и объясняли пославшимъ ихъ, что генералъ Вашингтонъ, сколько бы ни желалъ, помочь не въ состояніи. Такъ утихло неудовольствіе на него, и жители стали искать средствъ, сколько возможно, къ собственной защитѣ.

Эта жестокость англичанъ съ американцами на водѣ и на сушѣ истекала изъ одного источника, именно отъ генерала Гага, командовавшаго въ Бостонѣ. Онъ былъ убѣжденъ, что этими мѣрами напугаетъ американцевъ, а между тѣмъ еще болѣе раздувалъ огонь революціи.

Вашингтонъ весьма осуждалъ это, потому что подобныя жестокости вызывали то же со стороны американцевъ, а Гагъ былъ его другомъ въ прежніе годы! Напрасно старался онъ письменно отклонить его отъ такого образа дѣйствій. Гагъ остался при своемъ, и о мирномъ соглашеніи нечего было и думать. Американцамъ оставался одинъ выборъ: воздавать жестокостью за жестокость; но этого не могло вынести благородное сердце Вашингтона. Онъ велѣлъ по-человѣчески обращаться съ плѣнными и даже, взявъ съ нихъ честное слово не браться за оружіе, отпускать.

Будь англичане одинъ врагъ, съ которымъ приходилось сражаться плоховооруженнымъ американцамъ, то и тогда борьба была бы неравная и исходъ ея сомнителенъ; но къ этому врагу присоединилось еще двое другихъ, презирать которыхъ было тоже невозможно.

Это были индійцы, которыхъ англичане подстрекали противъ бѣлыхъ американцевъ. Также возбуждали они рабовъ-негровъ противъ ихъ господъ плантаторовъ или вообще противъ американцевъ. Эти два народа, одинаково дикіе и жестокіе въ ненависти, мстили кроваво, опустошали, жгли и рѣзали. При ихъ хитрости и лукавствѣ, это были опасные непріятели; избѣгая открытой и честной битвы, они коварно подбирались къ противнику, чтобы напасть на него, когда онъ не чаетъ, чтобы исподтишка зарѣзать его.

Именно, вслѣдствіе появленія этихъ враговъ, для сѣверо-американцевъ сдѣлалось необходимымъ всѣмъ взяться за оружіе, всѣмъ народомъ возстать, поголовно; другаго выбора не оставалось, если не хотѣли отдать всего, что дорого и свято для каждаго, на жертву безчеловѣчной толпѣ убійцъ и поджигателей. Теперь сражалась вся страна. Гдѣ не было англичанъ, тамъ угрожали негры и индійцы, и надо было защищать отъ нихъ домы и очаги и спасать страну отъ непріятеля, который не имѣлъ сожалѣнія къ беззащитнымъ старикамъ, женамъ и даже къ груднымъ младенцамъ. Гдѣ еще дѣло не доходило до столкновеній, тамъ надо было вооружиться и приготовиться, такъ какъ повсюду сновали агенты, подговаривавшіе индійцевъ и обѣщаніями свободы старавшіеся вовлечь негровъ въ кровавую войну съ бѣлыми американцами.

Вашингтонъ сначала не могъ ничего сдѣлать

вслѣдствіе положенія войска и недостатка въ военныхъ снарядахъ. Одно, что могъ онъ сдѣлать, это предупредить англичанъ, угрожавшихъ нападеніемъ съ тыла, изъ Канады, отнять у нихъ крѣпости Сентъ-Джонъ и городъ Монреаль. Онъ поручилъ это трудное дѣло храбрымъ людямъ.

Смѣльчаки прошли непроходимые лѣса, переправились чрезъ огромныя болота и покрытыя снѣгомъ дикія горы; ничто не испугало ихъ, и дѣло удалось, благодаря только ихъ удивительной храбрости и безотчетному пожертвованію собой за святое дѣло родины.

Попытка взять городъ Квебекъ не удалась, но они пріобрѣли славу, получили еще большее довѣріе къ своимъ силамъ и порядочныя выгоды, вознаградившія ихъ за этотъ походъ. Онѣ тѣмъ болѣе удивительны, что походъ этотъ былъ не болѣе какъ „шутка“: у американцевъ не было ни одной пушки!

Вашингтонъ въ это время находился въ печальномъ положеніи въ своемъ лагерѣ у Кембриджа. *У него не было вовсе пороха*. Знай это англичане, они легко могли бы, сдѣлавъ вылазку изъ Бостона, имѣть невѣроятный успѣхъ.

Вашингтонъ такъ хорошо умѣлъ сохранить это втайнѣ, что объ этомъ ничего не знали даже въ его собственномъ лагерѣ. Онъ терпѣливо переносилъ ворчанье и недоброжелательство, что онъ заставляетъ войско праздно шататься въ то время, когда

англичане съ часа на часъ ожидали большихъ подкрѣпленій изъ Англіи.

Еще хуже было, что солдаты обязаны были служить только одинъ годъ и многимъ срокъ кончался въ декабрѣ.

Дорогъ былъ здѣсь хорошій совѣтъ.

Вашингтонъ шелъ вѣрнымъ путемъ. Онъ устроилъ, что въ лагерь къ нему явились депутаты отъ конгресса, чтобъ посмотрѣть на все.

Тѣ выпучили глаза, а полководецъ стоялъ предъ ними чистъ, выше всѣхъ нареканій. Они поняли теперь, что онъ ничего не могъ сдѣлать съ такимъ малымъ войскомъ, при недостаткѣ орудій и *пороха*, и между тѣмъ надо было ожидать, что англичане еще болѣе усилятся въ Бостонѣ.

Война должна была принять другіе размѣры, надо было собрать новыя, бо́льшія силы; иначе побѣда навѣрно досталась бы англичанамъ, а американцамъ пришлось бы надѣть рабскія оковы, тяжелыя судя по жестокости англичанъ.

Вашингтонъ требовалъ 20,000 человѣкъ, артиллеріи и снарядовъ; безъ этого онъ не могъ съ успѣхомъ вести войну. Депутаты отъ конгресса утвердили его требованіе. Но это стояло только на бумагѣ, исполненіе же — это другой вопросъ, не зависѣвшій отъ подписавшихъ согласіе на такое вооруженіе.

Прошелъ мѣсяцъ съ того времени, какъ утверждено было требованіе Вашингтона, явилось 5,000

воиновъ, а между тѣмъ наступилъ декабрь. Кончился срокъ службы конектикутской милиціи. Она не хотѣла оставаться *и часа* долѣе.

Чего ни пробовалъ Вашингтонъ, чтобы убѣдить ихъ остаться, все было безуспѣшно.

Непріятель уже въ Бостонѣ получилъ обѣщанныя подкрѣпленія!

Наконецъ, Вашингтону удалось убѣдить ихъ остаться еще на одинъ день, такъ какъ онъ надѣялся, что въ это время подойдетъ помощь. Положеніе его было отчаянное. Англичане хотя и были заперты въ Бостонѣ, но имъ оставалось море. Военные корабли разоряли одинъ за другимъ приморскіе города, а транспорты доставляли въ изобиліи войско, снаряды и съѣстные припасы, именно все, въ чемъ такъ нуждался Вашингтонъ. Знай генералъ Гагъ его положеніе, онъ уничтожилъ бы его.

Такъ кончился среди заботъ и печали 1775 годъ; 1776-й начинался такъ же: въ половинѣ января удалились 5,000 человѣкъ милиціи. Изъ Канады пришло грустное извѣстіе о смерти генерала Монгомери, объ отступленіи отъ Квебека и требованіе подкрѣпленія въ 3,000 человѣкъ.

Къ Вашингтону пришла на помощь милиція, но у 2,000 человѣкъ не было ружей! Кромѣ того, необходимо было послать подкрѣпленіе въ Канаду.

У него было 10,000 человѣкъ, между ними

много больныхъ, о вооруженіи ихъ было уже сказано.

Но какъ ни отчаянно было его положеніе, Вашингтонъ не терялъ бодрости. Дѣятельность его была необыкновенна. Онъ не зналъ больше покоя, и неимовѣрными усиліями ему удалось приготовить войско къ сраженію; теперь было самое удобное время, такъ какъ черезъ рѣку можно было перейти по льду. Надо было приступить къ Бостону. Планъ былъ такой: занять полуостровъ Дорчестеръ, построить на немъ батареи, чтобъ обстрѣливать городъ и гавань; все это должно быть маскировано пальбой съ другой стороны города. На дорчестерскихъ высотахъ батареи были построены, и непріятель не успѣлъ этому помѣшать.

Англичане увидѣли, что ихъ перехитрили. Для нихъ было чрезвычайно важно теперь уничтожить эти укрѣпленія, грозившія имъ большой бѣдой; они пошли на приступъ, но въ первый день взять не могли. Для американцевъ это было съ руки. Они окопались еще лучше, и англичанамъ приходилось жутко: положеніе ихъ было чрезвычайно невыгодное. Генералъ Гагъ собралъ важнѣйшихъ гражданъ города и напросто объявилъ имъ, что ему надо отступить; но онъ до тла разоритъ городъ, если Вашингтонъ будетъ мѣшать ему при этомъ отступленіи.

Бостонцы умоляли теперь главнокомандующаго не навлекать на нихъ несчастія.

Вашингтонъ могъ извлечь изъ всего этого важныя выгоды. Если бы удался ему его планъ, онъ могъ бы взять англичанъ въ плѣнъ; но для этого надо было пожертвовать Бостономъ, имуществомъ цѣлыхъ тысячъ — на это онъ не могъ рѣшиться. Онъ допустилъ англичанъ отступить и спасъ этимъ Бостонъ.

Съ одной стороны, англичане пересаживались на корабли; съ другой, въ городъ съ веселой музыкой вступалъ Вашингтонъ; за кротость благодарили его не только жители Бостона, ему выразили благодарность и почтеніе собраніе провинціи Массачузета и конгрессъ.

Это была значительная побѣда, стоившая немного крови; она доказала всю силу таланта человѣка, которому нація ввѣрила свое спасеніе, показала, что и въ войнѣ руководило имъ его доброе сердце.

До сихъ поръ еще колебались, въ какое отношеніе должны стать колоніи къ метрополіи. Теперь же представители штата Виргиніи, не безъ вліянія Вашингтона, требовали, чтобы конгрессъ объявилъ Соединенные Штаты Америки свободнымъ, вполнѣ независимымъ отъ Англіи государствомъ. Англія понесла заслуженное наказаніе.

Не одно взятіе Бостона, но и другія счастливыя стычки на морѣ и на сушѣ возвысили гордость американцевъ, такъ что они не могли допустить ничего другаго.

Англія искала союзниковъ, но напрасно; только изъ Германіи *за деньги* послали помощь; но печальнѣе всего, что приверженцевъ Англіи было еще довольно въ Америкѣ, и они не ужаснулись посягнуть на самое безчестное дѣло. Такъ, въ Нью-Іоркѣ былъ составленъ заговоръ съ измѣнническою цѣлью убить Вашингтона и болѣе важныхъ его генераловъ. Онъ былъ открытъ и разстроенъ, и замыслы Англіи открыли теперь глаза даже тѣмъ нерѣшительнымъ, которые считались ея сторонниками. Теперь порваны были всѣ нити.

Но, не смотря на то, что были поняты всѣ злоумышленія Англіи, не смотря на то, что со всѣхъ сторонъ требовали разрыва, этому шагу противились штаты Мэрилендъ и Пенсильванія. Но они стояли отдѣльно, и конгрессъ долженъ былъ согласиться на требованія остальныхъ *тринадцати*.

4 іюля 1775 года объявилъ онъ о существованіи *тринадцати Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки*.

Всеобщая радость распространилась по всей странѣ, когда конгрессъ объявилъ народъ самостоятельнымъ и свободнымъ.

Все это случилось скоро и неожиданно для англичанъ; даже американцы не вполнѣ сознавали это. Только теперь понялъ каждый, за что онъ сражался и приносилъ жертвы; поняли также, что это борьба не на жизнь, а на смерть, такъ какъ метрополія — Англія — употребитъ всѣ силы,

чтобы снова поработить Америку и наказать ее за дерзость и своеволіе.

Въ Англіи не думали о томъ, до чего жестокость и безчеловѣчность можетъ довести мирныхъ жителей приморскихъ городовъ. Но обѣ стороны сознавали, что теперь только начинается настоящая борьба.

Объявленія свободы въ войскѣ не нашло такого сочувствія, какъ въ городахъ.

Вашингтону, который требовалъ и смотрѣлъ на этотъ шагъ конгресса, какъ на необходимость, къ несчастію, приходилось плохо, такъ какъ въ войскѣ вовсе не было единства, и воины каждаго штата считали себя отдѣльными. Дѣло доходило между ними до ссоръ, и Вашингтону пришлось всѣми силами бороться съ этимъ; раздоры вредили дѣлу родины. Всѣми средствами, какія были въ его распоряженіи, противился онъ этому, грозилъ даже всею строгостью законовъ за несогласія между офицерами или солдатами.

Его отеческое, строгое слово прямо указывало на недостатки и невыгодныя слѣдствія ссоръ въ виду непріятеля. Это подѣйствовало, но не сразу; только мало-по-малу увидѣлъ онъ плоды своихъ усилій. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что войска англичанъ значительно увеличились вслѣдствіе помощи, которую за деньги *продали* нѣмецкіе князья.

Нью-Іоркъ былъ цѣлью всѣхъ военныхъ операцій англичанъ. Туда они направили всѣ свои силы, и на островѣ Лонгъ-Айслэндъ, гдѣ Вашингтонъ также сосредоточилъ силы, загорѣлась битва.

Американцамъ все еще недоставало опытности въ военномъ дѣлѣ, и нерѣдко ошибки безпечныхъ генераловъ причиняли значительный вредъ. Такъ, напримѣръ на Лонгъ-Айслэндѣ была горная цѣпь, по обѣимъ сторонамъ которой стояли враждебныя арміи. По небрежности одного американскаго генерала, въ горахъ остался незанятымъ одинъ проходъ; англичане воспользовались этой ошибкой и внезапно напали съ тыла на Вашингтона.

Ужасъ былъ безграничный тѣмъ болѣе, что силы были неравныя: американцевъ 5,000, англичанъ 15,000 человѣкъ. Произошелъ безпорядокъ, и многіе побѣжали; остальные пробились сквозь непріятельскіе ряды, но 1,000 человѣкъ американцевъ попали въ плѣнъ, 1,200 были убиты или ранены, а многіе нашли смерть, завязнувъ въ болотѣ.

Этимъ несчастнымъ сраженіемъ при Броклинѣ открылась кампанія.

Вашингтонъ видѣлъ свое опасное положеніе: англичане могли взять въ плѣнъ и остатки его войска, если бы ему не удалось вывернуться; но и это было сопряжено съ большими опасностями. Отступленію благопріятствовалъ туманъ; онъ отступилъ такъ искусно и осторожно, что англичане, замѣтивши, наконецъ, движеніе, явились на бе-

регу тогда уже, когда всѣ корабли отплыли. Напрасно стрѣляли они вслѣдъ; врагъ, котораго они уже считали своей вѣрной добычей, скрылся и высадился въ Нью-Іоркѣ.

Но войско пало духомъ и неохотно повиновалось. Всякій думалъ спастись, возвратясь скорѣе на родину. Многіе бѣжали, и Вашингтонъ видѣлъ печальные результаты срочной службы, а еще болѣе непоправимой беззаботности офицеровъ. Покуда дѣло велось такъ, всѣ предпріятія, разсчитанныя на долгое время, были невозможны. Конгрессъ по неволѣ согласился на требованія Вашингтона. Было невозможно заставить служить въ продолженіе всей войны, такъ какъ народъ не соглашался служить безъ опредѣленнаго срока. Установили срокъ службы на три года и поступающимъ раздавали значительные участки земли. Хотя дѣло пошло успѣшнѣе, но все-таки войско пополнялось не скоро; выгода была на сторонѣ англичанъ; Нью-Іоркъ пришлось оставить, несчастіе слѣдовало за несчастіемъ; войско ежедневно уменьшалось, и не было никакой надежды предпринять что-нибудь рѣшительное. Настроеніе умовъ, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ страны, было опасно; это побудило англійскаго генерала Гове обнародовать воззваніе къ возвращенію вновь подъ англійское владычество и прощеніе тѣмъ, которые положатъ оружіе къ назначенному сроку. Это была минута,

когда должно было сказаться, кто приверженецъ союза и кто нѣтъ.

Къ несчастію, послѣднихъ было еще много и именно въ тѣхъ слояхъ общества, гдѣ цѣнились чины и богатство.

Вашингтонъ съ горестью слѣдилъ за этими событіями. Ему не оставалось ничего болѣе, какъ переправиться чрезъ Делаваръ и удалиться въ Пенсильванію. Конгрессъ засѣдалъ въ Филадельфіи. Онъ долженъ былъ также удалиться, такъ какъ была зима, и англичане по льду могли придти и разогнать его.

Вездѣ англичане побѣждали: въ Канадѣ, на Родъ-Айслэндѣ и здѣсь. Чтобы вѣрнѣе достигнуть цѣли, они подняли могущественныя индійскія племена ереековъ и ирокезовъ и убѣдили ихъ перенести свою убійственную войну въ Виргинію и сѣверную и южную Каролину. Это-то и было невыгодно для англичанъ: жители этихъ трехъ провинцій возстали и чуть не избили всѣхъ индійцевъ, такъ что тѣ должны были просить мира. Эта побѣда напугала прочихъ индійцевъ. Еще была бѣда: недостатокъ въ деньгахъ. Конгрессъ выпустилъ бумажныя деньги, кредитивы, и опредѣлилъ, чтобы ихъ принимали вмѣсто монеты. Но это не спасло ихъ отъ упадка въ цѣнѣ, а монеты все не было.

Всѣ союзы, которые Америка старалась заключить съ европейскими державами, или не удались,

или не доставляли того, что было нужно и чего искали.

Ничего не удавалось, но Вашингтонъ все-таки вышелъ изъ борьбы побѣдителемъ. Онъ разсчитывалъ на безчисленныя издержки англичанъ для веденія войны и разсчитывалъ вѣрно; конечно, тогда отъ этого не было никакой выгоды американцамъ, но продлись война долѣе и разсчетъ его будетъ вѣренъ. Самъ онъ нуждался все также. До сей поры власть его старались ограничить изъ опасенія, что полководецъ присвоитъ себѣ все и создастъ солдатское владычество; даже конгрессъ боялся этого, но все-таки всѣ такъ вѣрили образу мыслей Вашингтона, что въ нуждѣ передали ему неограниченную власть на шесть мѣсяцевъ; онъ могъ набрать войско, числительность котораго, однако, была ограничена конгрессомъ; могъ самъ выдавать жалованье, избрать офицеровъ, однимъ словомъ дѣлать все, что нужно для успѣшнаго продолженія войны.

Это принесло плоды.

Едва онъ набралъ 5,000 человѣкъ, какъ рѣшился переправиться чрезъ Делаваръ, надѣясь на безпечность непріятеля въ виду такого маловажнаго противника. Въ ночь на Рождество переправа была произведена. Онъ напалъ на несчастныхъ, проданныхъ гессенцевъ и взялъ ихъ 900 человѣкъ въ плѣнъ.

Имъ пришлось очень плохо, не смотря на то,

что Вашингтонъ приказывалъ обращаться съ ними кротко. Этимъ походомъ былъ законченъ 1776 годъ. Взявъ въ плѣнъ гессенцевъ, онъ возвратился опять за рѣку и готовился къ новой переправѣ. Нападеніе его, не смотря на малочисленность войскъ, было такъ удачно, что въ короткое время онъ очистилъ берегъ Делавара отъ англичанъ и освободилъ Филадельфію отъ грозившей опасности. Это совершено было имъ съ толпой неопытныхъ въ войнѣ людей противъ могущественной, стройной арміи. Малодушіе, охватывавшее по временамъ народъ, исчезло съ этими успѣхами. Какъ полководецъ, такъ и армія были предметомъ удивленія какъ чужихъ земель, такъ и Сѣверной Америки.

Приближающаяся зима требовала прекращенія военныхъ дѣйствій, но Вашингтому не было покоя: онъ приготовлялся къ новому походу. Къ веснѣ войско увеличилось, и Гове и Вашингтонъ стояли другъ противъ друга. Гове долгое время напрасно старался принудить Вашингтона къ битвѣ. Тотъ уклонялся и старался только защищаться. Гдѣ благопріятствовала мѣстность, онъ строилъ окопы; это вредило англичанамъ, а къ американцамъ подходила той порой помощь.

Но непріятель вновь угрожалъ Филадельфіи, и Вашингтонъ долженъ былъ вступить въ битву; но здѣсь превосходство силы было на сторонѣ непріятеля, и какъ храбро американцы ни бились— сраженіе было проиграно, и Филадельфія попала въ

руки англичанъ; въ то же время они побѣдили и въ Канадѣ.

Снова получилъ Вашингтонъ на опредѣленное время отъ конгресса полную власть въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Не смотря на прежнія славныя побѣды, у него были враги, старавшіеся во что бы то ни стало достигнуть его паденія; но любовь и вѣра въ него были такъ велики, что, не смотря на низкія средства, которыя пускались въ дѣло, оно не удалось. Въ то время, какъ Вашингтонъ держалъ почти взаперти въ Филадельфіи генерала Гове, генералу Бурону, возвращавшемуся изъ Канады, пришлось еще хуже. При Саратогѣ онъ былъ окруженъ американскимъ генераломъ Гатесомъ и, потративъ всѣ съѣстные припасы, принужденъ былъ сдаться на капитуляцію.

Шесть тысячъ англичанъ положили оружіе и были отправлены въ Бостонъ, чтобы оттуда отплыть въ Англію, послѣ того, какъ они дали сначала обѣщаніе никогда не поднимать оружія на американцевъ. Двадцать четыре превосходныя пушки достались въ руки американцевъ.

Этою побѣдою, не стоившей ни капли крови, былъ законченъ походъ въ этомъ году. Восторгъ и радость были во всей странѣ, и генерала Гатеса вездѣ превозносили въ это время, но благородный Вашингтонъ ему не завидовалъ. Онъ видѣлъ предъ

собой побѣду отечества и выразилъ побѣдителю свою искреннюю радость и уваженіе.

Американская армія возвратилась въ зимній лагерь при Валей-Форденсѣ; онъ походилъ на городъ, такъ какъ солдаты выстроили маленькіе деревянные домики. Онъ былъ защищенъ рѣкою, лѣсомъ и окопами, но армія терпѣла недостатокъ во всемъ — въ теплой одеждѣ, въ одѣялахъ и, что всего хуже, въ продовольствіи; нѣсколько дней даже въ лагерѣ свирѣпствовалъ голодъ. Онъ произошелъ отъ того, что доставка провіанта и его раздача арміи была поручена лихоимцамъ, которые думали только о своей выгодѣ, а не о тѣхъ, которые проливали свою кровь за отечество. Вашингтонъ, употребляя всѣ зависящія отъ него средства, старался уменьшить нужду солдатъ. Главнымъ образомъ заботился онъ о томъ, чтобы обезпечить будущность солдатъ и офицеровъ, по окончаніи войны.

Но здѣсь встрѣтилъ онъ сопротивленіе въ конгрессѣ и едва могъ достичь кое-какихъ удовлетворительныхъ результатовъ.

Въ это время Франція признала независимость Америки, въ слѣдствіе чего англійское министерство принуждено было сдѣлать мирное предложеніе; было ясно, что Американскіе Штаты, принявъ его, никогда не достигнутъ независимости, и сомнительно, чтобы они сохранили свои права, не смотря на 3-хъ лѣтнюю борьбу и успѣхи.

Англія коварно разсчитывала, что на предложе-

ніе согласятся, такъ какъ о признаніи Франціи въ Америкѣ еще не знали.

Можно было предвидѣть, что это предложеніе будетъ отвергнуто. Всѣ происки и подкупы англійскихъ пословъ были тщетны. Тогда англичане, точно потерявъ голову, прибѣгли къ безумному средству, они грозили безпощадною войною! Всѣ были справедливо огорчены и раздражены. Такими дѣйствіями Англія не могла пріобрѣсть расположенія Америки. Уже и до сихъ поръ англичане вели неистовую войну. Теперь они еще хотѣли увеличить жестокости. Этимъ только можно было достигнуть одного раздраженія. Въ это время пришло извѣстіе изъ Парижа отъ благороднаго Франклина. Франція не только признала независимость Соединенныхъ Штатовъ, но Франклину еще удалось заключить съ нею дружественный и торговый союзъ. **13** апрѣля **1778** года прибыла въ Америку на помощь даже французская эскадра, и нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Франція объявила Англіи войну.

Важны и знаменательны были эти событія. Какое впечатлѣніе произвели они въ Америкѣ, нечего и описывать. Вездѣ служили благодарственные молебны и учреждали празднества. Въ Филадельфіи, защищенной укрѣпленіями и флотомъ, стоялъ Гове съ 33,000 хорошо снабженныхъ продовольствіемъ солдатъ и не предпринималъ ничего противъ толпы Вашингтона, который былъ

втрое слабѣе его и терпѣлъ, какъ мы уже знаемъ, великую нужду. Съ радостью пошли бы американцы на Филадельфію, если бы только были сильнѣе и имѣли болѣе средствъ.

Англичане были сбиты съ толку союзомъ Америки съ Франціей и объявленіемъ войны. Они прибѣгли къ такимъ мѣрамъ, которыя положительно не кому было исполнить у нихъ. Они рѣшились раздѣлить свою армію, чтобы высадиться на тѣхъ изъ Антильскихъ острововъ, которые принадлежали французамъ, и отправить одну часть войска во Флориду; остальныя же войска, при помощи флота, должны были безъ боя очистить Филадельфію. Опасались они только того, чтобы французская эскадра не заперла ихъ флота въ Филадельфіи, и чтобы онъ не испыталъ участи генерала Бургона при Саратогѣ. Они удалились такъ скоро, что французскій флотъ не нашелъ и слѣда враговъ.

У Нью-Іорка французы могли бы легко захватить англійскій флотъ, если бы не побоялись мелей въ заливѣ, а военные корабли у нихъ были большіе, какъ отговаривались они. Къ несчастію, у командира французскаго флота не хватило храбрости сразиться съ англичанами. Поэтому надо было отказаться отъ общаго съ американцами нападенія на Нью-Іоркъ. Встрѣчѣ съ англійскимъ флотомъ въ открытомъ морѣ помѣшала буря, свирѣпствовавшая двое сутокъ, разбившая и повредившая корабли; Нью-Іоркъ все-таки могъ быть взятъ

если бы командиръ французскаго флота согласился на это, но онъ отправился въ Бостонъ для починки кораблей. Слабое сухопутное войско американцевъ должно было отступить. Вездѣ было неудовольствіе на французовъ; тѣ, конечно, по приказанію, устремили свои взоры на Канаду съ цѣлію снова покорить ее Франціи.

Американцы угадывали намѣренія французовъ и сомнѣвались въ вѣрности своихъ новыхъ союзниковъ. Сомнѣнія эти обратились въ неудовольствіе и ненависть, даже перешли потомъ въ борьбу. Здѣсь были сѣмена бѣдствія, воспользовавшись которыми, Англія могла бы много выиграть.

Благородный Вашингтонъ былъ сильно опечаленъ этимъ началомъ. Повсюду у него были лишь неясныя надежды! Конгрессъ не довольно его поддерживалъ; англичане съ союзными индійцами свирѣпствовали жестоко повсюду, гдѣ ни появлялись; къ тому же сомнительные друзья, которые должны были помогать и не хотѣли! Одно было только для него выгодно, именно: что англійскій флотъ былъ занятъ французами въ Вестъ-Индіи. Но и это помогло немного: англичане напали на плодородную Георгію и взяли главный городъ Саванну.

Таковы были нерадостные для Вашингтона результаты 1778 года.

На слѣдующій годъ онъ обдумалъ новый планъ войны, гдѣ больше заботился объ отечествѣ и народѣ, чѣмъ о блестящихъ подвигахъ; онъ рѣшился

вести оборонительную войну съ англичанами, которые тоже находились въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ и не могли посылать подкрѣпленій, если бы война затянулась надолго. Образъ дѣйствій Вашингтона былъ благороденъ и вѣренъ. Намѣреніе его было щадить страну, обезсилить непріятеля и тѣмъ заставить его признать независимость и свободу Америки.

Пока англичане оставались зиму и весну въ бездѣйствіи въ Нью-Іоркѣ, Вашингтонъ рѣшился напасть на индійцевъ „шести народовъ“ на сѣверѣ страны, которые присмирѣли было, но потомъ, возбуждаемые англичанами, снова начали свои свирѣпые набѣги. Они были непримиримые, опасные враги, тихонько подкрадывавшіеся и опустошительно злодѣйствовавшіе. Съ ними соединились американцы — приверженцы Англіи. Надо было покончить ихъ ужасныя нападенія, а то они становились все опаснѣе. Генералъ Сулливанъ жестоко отомстилъ индійцамъ. Онъ разбилъ ихъ на голову и заставилъ бѣжать въ Канаду, гдѣ англичане приняли ихъ дружественно.

Эти послѣдніе были ничѣмъ не лучше индійцевъ; ихъ путь вездѣ былъ ознаменованъ убійствами, грабежемъ и пожаромъ. Вездѣ требовали мщенья, и Вашингтонъ поневолѣ долженъ былъ выступить изъ своего оборонительнаго положенія. Опорнымъ пунктомъ и мѣстомъ, откуда англичане

производили свои нападенія, была крѣпость Стони-Поинтъ на Гудзонѣ. Ее было необходимо взять.

Генералъ Вайнъ съ отрядомъ войска быстро пошелъ на крѣпость. Въ полночь полѣзли на нее охотники, и она была взята, захвачено было множество военныхъ снарядовъ и 543 плѣнныхъ; у американцевъ потеря была незначительна.

Вѣсть о побѣдѣ пронеслась по всей странѣ, и съ этой стороны былъ положенъ предѣлъ опустошеніямъ.

Генерала Гове смѣнилъ англійскій генералъ Клинтонъ. Онъ напрасно старался заставить Вашингтона вступить въ битву; тотъ удвоилъ осторожность и уклонялся отъ битвы, что̀ причиняло англичанамъ вредъ, равнявшійся потерянному сраженію.

Клинтонъ рѣшился перенесть войну въ Георгію. Англичане все еще имѣли много приверженцевъ въ Америкѣ. И теперь присоединились они къ Клинтону; но на нихъ смѣло напали жители штата Каролины и совсѣмъ почти истребили; шестьдесятъ человѣкъ попало въ плѣнъ. Въ примѣръ измѣнникамъ отечества ихъ всѣхъ приговорили къ смерти, но казнили только пятерыхъ зачинщиковъ, и это соединеніе кротости съ строгостью принесло плоды; приверженцы Англіи увидѣли, что̀ ожидало ихъ, и ревность ихъ значительно охладѣла. Тѣмъ не менѣе англичане, выгнанные изъ Каролины, свирѣпствовали въ Георгіи. Къ несчастію, штурмъ Саванны не удался американцамъ и французамъ, а дальнѣйшимъ предпріятіямъ помѣшала зима 1779 года. Вашингтонъ удалился на зимнія квартиры; нужда была̀ такая же, какъ и въ прошломъ году; разъѣздами онъ пріобрѣталъ себѣ припасы и выдавалъ на нихъ расписки, но отъ жителей и плантаторовъ бралъ только лишнее, оставляя имъ все необходимое.

Плохо начинался для Соединенныхъ Штатовъ 1780 годъ; нужда въ деньгахъ была невѣроятная; она мѣшала не только Вашингтону въ его предпріятіяхъ, но обезсиливала и конгрессъ. Прекратилась всякая торговля, и, что еще хуже, нѣкоторые штаты, измученные и разоренные долгой войной, не хотѣли ничѣмъ жертвовать, не видя особенныхъ результатовъ и издалека судя обо всемъ ошибочно. Положеніе дѣлъ было выгодно для непріятеля.

Войско до того нуждалось, что два полка возмутились, и Вашингтонъ едва усмирилъ ихъ. Казалось, все расшаталось и расклеилось; англичане взяли въ Южной Каролинѣ городъ Чарльстонъ и захватили въ плѣнъ 500 американцевъ; все какъ бы предвѣщало гибель Америки.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда благородный и храбрый Лафайетъ, знатный французъ, посвятившій себя вполнѣ дѣлу американцевъ и сопутствовавшій имъ во всѣхъ походахъ, возвратился изъ Франціи, куда былъ посланъ за помощью, и

привезъ радостную вѣсть о прибытіи французскаго флота и 5,000 французовъ.

Что онъ обѣщалъ, то и случилось. Французы высадились въ началѣ іюля. Командовалъ ими генералъ Рокомбо, и они поступили въ распоряженіе Вашингтона.

Вашингтонъ думалъ, что теперь конецъ его бездѣйствію и можно будетъ прогнать англичанъ изъ Нью-Іорка, но обманулся. Англійскій флотъ въ нью-іоркской гавани былъ гораздо сильнѣе французскаго и угрожалъ послѣднему, стоявшему въ гавани Нью-Портъ. Другаго исхода не было; Рокомбо долженъ былъ защищать флотъ, а другую вспомогательную французскую эскадру, которая должна была плыть въ Америку, англичане держали въ блокадѣ въ брестской гавани во Франціи.

Такимъ образомъ Вашингтонъ, не смотря на помощь французовъ, не могъ выйти изъ бездѣйствія. Положеніе его было безутѣшно, и никто въ Американскихъ Штатахъ не имѣлъ надежды на перемѣну обстоятельствъ.

Ждали помощи отъ испанскаго флота, но въ слѣдствіе зависти между Испаніею и Франціею объ этомъ нечего было и думать. Не помоги Америка сама себѣ, не помогъ бы ей никто.

Это поняли въ Америкѣ, и были употреблены новыя средства для блага отечества.

Первое, къ чему приступили, было учрежденіе банка, чтобы отвратить нужду въ деньгахъ. Стали

рались не одни мужчины; даже благородныя женщины Филадельфіи помогли. Побуждаемыя женою Вашингтона, онѣ составили общество съ цѣлью приносить всѣ деньги, какія онѣ могли накопить или собрать, въ жертву отечеству, для увеличенія арміи жалованья и закупки продовольствій.

Много бѣдъ принесъ истекавшій годъ и Вашингтону, и Соединеннымъ Штатамъ, но самая важная, безспорно, была измѣна генерала Арнольда. Онъ хотѣлъ отдать англичанамъ Вестъ-Поинтъ, потому что боялся наказанія, хотя и заслуженнаго, котораго, однако, не могла вынести его гордость. Нельзя было наказать его за измѣну отечеству, такъ какъ онъ бѣжалъ. Война, возгорѣвшаяся въ это время между Англіей и Голландіей, была выгодна американцамъ въ томъ отношеніи, что отвлекала непріятельскія силы; но зато они потеряли гавань на островѣ Евстахія, откуда доставлялось имъ все необходимое для войны.

Конгрессъ, научавшійся все болѣе цѣнить достоинства Вашингтона, оставался все также безпомощнымъ противъ вкоренившагося своеволія и скрытаго недовѣрія отдѣльныхъ штатовъ, боявшихся могущества Вашингтона. Хотя конгрессъ и соглашался на обдуманныя Вашингтономъ предложенія, но повиновались только тѣ штаты, которые хотѣли.

Такъ, не смотря на то, что конгрессъ постановилъ срокомъ службы окончаніе войны, въ нѣкоторыхъ штатахъ онъ назначался гораздо короче.

Вашингтону по-прежнему приходилось испытывать, какъ ни любовь къ отечеству, ни честь, ни просьбы, ни обѣщанія не могли удержать солдатъ, когда кончался срокъ службы, хотя бы это вредило самымъ важнымъ планамъ полководца.

Продовольствіе войска было все также до того плохо, что зимой 1781 года Вашингтонъ опасался, какъ бы не разбѣжалось его и безъ того уже маленькое войско. Дѣло разъ дошло даже до убійства. Доведенные нуждою до отчаянія, 1,300 пенсильванцевъ убили одного офицера, противившагося ихъ поступкамъ, а другаго опасно ранили. Съ шестью орудіями направились они къ Филадельфіи, чтобы побудить конгрессъ къ отстраненію такихъ худыхъ обстоятельствъ.

Это происшествіе служило предостереженіемъ и наукой конгрессу и штатамъ, которымъ непростительно было заставлять своихъ воиновъ терпѣть нужду въ то время, какъ они нѣжились въ роскоши. Оно вмѣстѣ съ тѣмъ представляло двойную опасность: съ одной стороны, по послѣдствіямъ и какъ худой примѣръ; съ другой потому, что непріятель, хитро воспользовавшись отчаяніемъ, обѣщаніями могъ переманить солдатъ къ себѣ. Послѣднее опасеніе, которое надо было объявить, возмутило солдатъ до глубины души. Къ такому предательству, какъ генералъ Арнольдъ, они чувствовали себя неспособными и съ негодованіемъ отвергли его. Англичане, опытные въ возмущеніяхъ,

все-таки подослали къ нимъ съ этою цѣлью агентовъ, но заговорщики выдали ихъ судьямъ. Хотя это подозрѣніе оказалось неосновательнымъ, зато оправдалось другое. Подобное же возмущеніе случилось въ Нью-Джерсеѣ, и зло, казалось, могло распространиться далѣе въ значительныхъ размѣрахъ.

До сихъ поръ Вашингтонъ, знавшій, что жалобы заговорщиковъ были справедливы, обращался съ ними кротко, а конгрессъ изыскивалъ средства поправить зло, доставить лучшее продовольствіе, но теперь была пора уже поступить строго. Онъ велѣлъ отряду вѣрныхъ солдатъ напасть внезапно на заговорщиковъ въ Нью-Джерсеѣ и заставилъ ихъ публично, въ виду всего войска просить помилованія; двоихъ же зачинщиковъ заговора разстрѣляли.

Это подѣйствовало на грубыхъ и необузданныхъ солдатъ лучше, чѣмъ снисхожденіе.

Уменьшалась храбрость при видѣ безконечной войны, флотъ былъ разрушенъ, магазины взяты, торговля совсѣмъ уничтожена; выдача денегъ возрастала — на нее выходили всѣ доходы государства; казалось, разоренная Америка должна упасть къ ногамъ Англіи и просить пощады. Неужели надо было отказаться отъ всего достигнутаго? Не понапрасну ли проливалась кровь, безплодно приносились жертвы, и самостоятельность юнаго государства не была ли тяжкимъ, краткимъ сномъ?

И какъ будетъ обращаться Англія съ побѣж-

денными? Нельзя ли судить объ этомъ по прежней грубой жестокости англичанъ?

Глубокая скорбь овладѣла душой Вашингтона, когда онъ долженъ былъ задать себѣ эти вопросы; и не могъ онъ скрыть отъ себя, что подъ ногами друзей отечества разверзалась бездонная пропасть.

Онъ употребилъ все свое вліяніе на членовъ конгресса, чтобы заставить ихъ терпѣть до конца и изыскивать спасительныя средства.

Послѣ долгихъ совѣщаній конгрессъ нашелъ лишь одно средство, именно: отправить посла во Францію, чтобы просить тамъ денежной помощи и войска.

Посла отправили. И здѣсь не остался въ бездѣйствіи герой и спаситель Америки, благородный Вашингтонъ.

Онъ не только далъ перевѣсъ этому мнѣнію, но написалъ письмо къ французскому министерству, гдѣ сильно и вполнѣ вѣрно изобразилъ положеніе Америки и слѣдствія возвращенія ея подъ англійское владычество.

Дѣйствіе этого письма было желательное. Дана была ссуда въ шесть милліоновъ франковъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы Вашингтонъ одинъ распоряжался ими. Тутъ оказалось, что думаютъ по ту сторону моря о человѣкѣ, который заботился всегда только о благѣ отечества. Условіе это открыло глаза всѣмъ недовѣрчивымъ и привело ихъ къ сознанію неправды, которую они такъ часто причи-

няли самому благородному сыну отечества, лучшему и умнѣйшему изъ людей.

На первыхъ порахъ и этого было достаточно; но надолго ли хватитъ этой суммы, ничтожной для такихъ предпріятій? У Англіи было гораздо больше средствъ, и если бы не любовь къ отечеству, къ пожертвованіямъ и храбрость не одушевляли штаты, то вскорѣ было бы все потеряно; даже можно было бояться, что всѣ средства будутъ напрасны. Англичане хитро разсчитали, что южные штаты представляютъ болѣе средствъ вести войну, чѣмъ сѣверные, и перенесли ее туда. Къ тому же тамъ надѣялись они найти больше приверженцевъ. Они упустили изъ виду только одно, самое важное, именно: что жаркій климатъ въ высшей степени губителенъ для европейцевъ, ослабляетъ ихъ, насылаетъ лихорадку, а эти враги опаснѣе непріятеля.

Генералъ Гринъ былъ храбрый солдатъ; онъ хорошо зналъ и страну, и свое дѣло. Къ тому же и солдаты научились кое-чему отъ индійцевъ: прятаться за камнями, въ кустахъ и за деревьями и мѣтко цѣлить въ противниковъ, къ чему англичане не привыкли. Притомъ англійскій командиръ считалъ нужнымъ разбить войско на части, чтобы оно сражалось отдѣльными отрядами и въ разныхъ мѣстахъ. Хотя англичане были сильнѣе и лучше снаряжены, но многія выгоды были и на сторонѣ

американцевъ, въ особенности они могли разсчитывать на помощь народа.

Съ Гриномъ былъ и молодой, восторженный французъ Лафайетъ, жертвовавшій за Америку кровью и состояніемъ. Вашингтонъ не могъ быть вмѣстѣ съ ними, такъ какъ его мѣсто было на сѣверѣ, по близости конгресса; но главное начальство какъ вблизи, такъ на западѣ и на югѣ принадлежало ему; поэтому переписка велась оживленная, и Вашингтону доставлялись точныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ на югѣ.

Несчастная Виргинія, родина Вашингтона, ужасно страдала въ это время; тамъ свирѣпствовалъ измѣнникъ Арнольдъ, англійскій генералъ съ кровожадностью индійца.

Надо было помочь, и Лафайетъ съ небольшимъ отрядомъ отправился туда; туда же хотѣлъ отправиться на французскомъ флотѣ и Вашингтонъ съ 1,100 солдатами. Обоимъ предпріятіямъ помѣшалъ начальникъ французскаго флота; онъ не подалъ руки помощи.

Лафайету, разсчитывавшему на помощь флота, надо было отступить, а Вашингтонъ съ горечью увидѣлъ, что его обманули. Еще обиднѣе стало ему, когда онъ узналъ, что управляющій его въ Монтъ-Вернонѣ поступалъ не по его волѣ.

Именно: англичане послали судно вверхъ по Потомаку къ прекрасному и богатому имѣнію Вашингтона. Они требовали продовольствій, угрожая,

конечно, въ случаѣ отказа, насиліемъ. Управляющій желалъ отвратить это, такъ какъ они разграбили бы и сожгли имѣніе Вашингтона; думая сдѣлать лучше, онъ явился на непріятельскій корабль и выдалъ все, чего отъ него требовали. Вашингтонъ съ неудовольствіемъ услышалъ объ этомъ и сдѣлалъ строгій выговоръ управляющему. Онъ не хотѣлъ видѣть, чтоб непріятелю помогали, чтоб трусливымъ исполненіемъ его требованія не отвращали опасности и спасали имѣнія. Семейство его было въ безопасности, и такая потеря опечалила бы его, быть можетъ, но не поразила бы, а теперь, онъ видѣлъ, пойдутъ дурные толки. Но дѣла передѣлать было нельзя, и полагали, что оно одобрено имъ. Позже уже оказалось, что онъ нисколько не потакалъ этому.

Снова явилась надежда, когда графъ Барасъ прибылъ на французскомъ фрегатѣ въ Бостонъ и привезъ извѣстіе, что за нимъ слѣдуетъ на помощь эскадра и войска, и прибудетъ еще флотъ изъ Вестъ-Индіи. У Вашингтона отлегло отъ сердца, и онъ поспѣшилъ въ Конектикутъ, чтоб переговорить съ начальникомъ вспомогательныхъ французскихъ войскъ. Было условлено, что, какъ только прибудетъ помощь, сообща сдѣлаютъ нападеніе на Нью-Іоркъ.

Французская помощь, вмѣсто того, чтоб поощрять американцевъ, была для нихъ только поводомъ небрежнѣе вести войну, особенно на сѣверѣ, когда дѣйствія были перенесены на югъ. Они го-

товы были взвалить все на французовъ, думая, что независимость ихъ вполнѣ упрочена. Это было зло, съ которымъ трудно было бороться, такъ какъ оно глубоко вкоренилось въ образъ мыслей и дѣйствій американцевъ.

Вашингтонъ въ небрежности, съ какою доставлялись войска, видѣлъ зло, ослабляющее рвеніе союзниковъ, и справедливо настаивалъ на обязательномъ срокѣ службы хоть въ *одинъ годъ*, если уже невозможно иначе. Эта уступка ясно показываетъ, какъ участвовали въ войнѣ отдаленные отъ мѣста дѣйствій штаты.

Не смотря на предостереженія и просьбы Вашингтона, дѣло шло по-прежнему, и какъ онъ, такъ и французскій генералъ, видѣли, что у нихъ не достанетъ войскъ для рѣшительныхъ предпріятій, если имъ не будетъ дѣятельнѣе помогать французскій флотъ.

Начальникъ этого флота обѣщалъ свое содѣйствіе, но оно значительно уменьшилось въ слѣдствіе того, что онъ объявилъ, будто ему даны приказанія, по которымъ онъ не можетъ оставаться подъ Нью-Іоркомъ все время, пока продолжится осада.

Это объявленіе совершенно уничтожало планы Вашингтона. Осаду Нью-Іорка надо было оставить; вмѣсто того предприняли походъ въ Виргинію; туда явился англійскій генералъ Корнвэльсъ и опирался на войска, стоявшія у Чизапика.

Лафайетъ до этого храбро сражался въ Виргиніи; теперь направились туда и Вашингтонъ съ Рокомбо, стараясь обмануть англичанина Клинтона, что имъ и удалось вполнѣ. Французскій флотъ вошелъ въ Чизапикскую гавань, и Лафайетъ соединился съ 3,000 высадившихся французовъ. Дѣло, казалось, будетъ жаркое, и Корнвэльсъ, напрасно требовавшій помощи у Клинтона, окопался въ Іоркъ-Тоунѣ. Онъ былъ окруженъ съ моря и съ суши, притомъ Вашингтонъ собирался осаждать его, а этого пуще всего боялся Корнвэльсъ.

Осада была ведена правильно и кончилась вскорѣ тѣмъ, что осаждающимъ досталась въ руки вся армія Кронвэльса со всѣми припасами. Эта побѣда была важна по послѣдствіямъ. Теперь, за исключеніемъ нѣсколькихъ городовъ, вся Америка повиновалась конгрессу, т. е. была очищена отъ англичанъ. Ею прославились и предводитель, и войско; въ странѣ была всеобщая радость.

У Вашингтона не было радости, такъ какъ французскій флотъ долженъ былъ плыть въ Вестъ-Индію, а съ этимъ рушились надежды съ его помощью отнять у англичанъ Нью-Іоркъ.

Покорить Нью-Іоркъ Вашингтонъ очень желалъ, такъ какъ въ эту минуту, послѣ пораженія Корнвэльса, это было бы смертельнымъ ударомъ для англичанъ; но обстоятельства не позволили выполнить этого, сколько ни жаловался Вашингтонъ, какъ ни непріятно было это ему.

Къ несчастію, по дорогѣ въ Филадельфію при-

шлось ему испытать еще горе, поразившее его въ самое сердце. Пасынокъ его, нѣжно любимый имъ и уважаемый всѣми, 28 лѣтъ, скончался на его рукахъ. Онъ искренно оплакивалъ его и усыновилъ двухъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей его.

Въ Филадельфіи онъ былъ встрѣченъ съ высокимъ уваженіемъ и искреннимъ почетомъ. Предсѣдатель пригласилъ отдохнуть его въ городѣ отъ утомительнаго похода и вмѣстѣ обсудить планъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Въ Англіи начали между тѣмъ поговаривать о тяжестяхъ этой безполезной, какъ разсуждали всѣ, войны. Онѣ были невыносимы. Даже англійскій парламентъ требовалъ кроткаго обращенія съ американцами и перемѣны министерства. Миръ! былъ всеобщій лозунгъ.

Министерство должно было подать въ отставку, а новое составилось изъ друзей Америки. Снова возродились надежды, которымъ улыбались какъ по ту, такъ и по другую сторону океана.

Но надеждамъ этимъ противорѣчили необыкновенныя вооруженія обѣихъ воюющихъ державъ. Вашингтонъ не вѣрилъ мирнымъ намѣреніямъ. Онъ съ неутомимою дѣятельностію занимался этими вооруженіями; онъ изъ опыта зналъ, что это мирное настроеніе ослабитъ его земляковъ и повредитъ еще нерѣшенному дѣлу. Съ радостію видѣлъ онъ, что конгрессъ единодушно соглашался съ нимъ.

Наконецъ, когда онъ прибылъ въ Ньюбургскій лагерь, тамъ была старая исторія.

Медленно собирались солдаты, было ихъ только 10,000.

При такомъ положеніи дѣлъ, Вашингтонъ не могъ весело смотрѣть впередъ, но онъ черезчуръ привыкъ къ этому и терпѣливо ждалъ, что̀ будетъ. Кромѣ того Франклинъ старался пріобрѣсть помощь во Франціи. Франція готова была на все, чтобъ продлить войну, такъ какъ ненависть къ англійскому владычеству на морѣ требовала уничтожить его или, по крайней мѣрѣ, уменьшить.

Въ Англіи же, напротивъ, старались о заключеніи мира.

Между тѣмъ въ арміи готовились важныя событія. Офицеры были недовольны; они сомнѣвались, согласится ли конгрессъ на выдачу имъ пожизненно половиннаго жалованья въ награду за ихъ службу. При отношеніи отдѣльныхъ штатовъ къ конгрессу, онъ былъ не въ состояніи исполнить этого добраго намѣренія. Многіе думали, что государство безъ главы ничего не значитъ, и въ Америкѣ, гдѣ столько лицъ участвуютъ въ правленіи, будетъ лишь одинъ безпорядокъ. Будь одинъ правитель, разсуждала большая часть офицеровъ, и имъ не пришлось бы такъ бѣдствовать.

Понятно, кого они прочили въ правители: Вашингтонъ былъ ихъ любимцемъ! Онъ долженъ быть *королемъ Америки!* Дѣло сохранялось въ тайнѣ, и на-

конецъ, партія эта предложила Вашингтону сдѣлаться *королемъ;* это считалось ими единственнымъ спасеніемъ.

Читатели спросятъ насъ: какъ принялъ Вашингтонъ это предложеніе? Для объясненія, приведу подлинный отвѣтъ Вашингтона человѣку, стоявшему во главѣ этой партіи. Вотъ онъ:

„*Ньюбургъ*, 22 мая 1782 года.

„Милостивый Государь!

„Съ удивленіемъ и смущеніемъ читалъ я внимательно то, что вы мнѣ переслали.

„Будьте увѣрены, что ничто такъ не огорчало меня во время войны, какъ сообщеніе, сдѣланное мнѣ вами; изъ него я узнаю, что въ арміи распространяются мнѣнія, возбуждающія во мнѣ отвращеніе и заслуживающія строжайшаго наказанія съ моей стороны. На этотъ разъ я умолчу о вашемъ предложеніи, но только въ такомъ случаѣ, если дальнѣйшее распространеніе этого дѣла не заставитъ меня объявить о немъ. Не понимаю, какимъ образомъ поведеніе мое дало вамъ смѣлость сдѣлать предложеніе, которое, по моему убѣжденію, угрожаетъ нашей родинѣ величайшимъ бѣдствіемъ, какое только можетъ постигнуть ее. Если я не ошибаюсь въ себѣ, то во всей Америкѣ нѣтъ человѣка, которому ваши планы были бы ненавистнѣе, чѣмъ мнѣ. Желая, чтобы была отдана справедливость моимъ чувствамъ, я долженъ вмѣстѣ съ

тѣмъ прибавить, что никто такъ искренно не желаетъ, какъ я, чтобъ съ арміей поступали вполнѣ справедливо, и, насколько въ моей власти и вліяніи, я законнымъ образомъ употреблю всѣ силы и не оставлю ничего безъ вниманія, чтобы помочь ей.

„Поэтому заклинаю васъ, если вамъ дорого счастіе ваше и близкихъ вамъ, если вы питаете хотя малѣйшее уваженіе ко мнѣ, выкиньте мысль объ этомъ изъ головы и никогда никому не заявляйте подобныхъ намѣреній ни отъ васъ собственно, ни по порученію другихъ.

„Остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ

„*Георгъ Вашингтонъ.*“

Такъ отвѣчалъ благородный человѣкъ; такъ отказался онъ отъ короны, которую считалъ неподходящею для своего отечества и которую могъ надѣть бы на себя, если бы захотѣлъ. А многіе, очень многіе въ странѣ видѣли въ правительствѣ, гдѣ участвуютъ многіе, чудовище, гибельное для страны, и думали, что, когда будетъ царствовать одинъ, разрѣшатся всѣ сомнѣнія. Вашингтонъ нисколько не думалъ о себѣ, и доказательствомъ служитъ то, что онъ отказался отъ лучшаго для себя, не видя спасенія отечества въ королѣ, которому никогда не стали бы повиноваться американцы, привыкшіе къ самоуправленію. Умно поступили тѣ, которые предлагали ему корону, что сохранили все это втайнѣ; не назвалъ ихъ и благородный мужъ.

Въ военныхъ дѣйствіяхъ въ этомъ году не произошло ничего особеннаго, по крайней мѣрѣ, на сушѣ. На морѣ правда воевали: французскій и испанскій флотъ сообща хотѣли сокрушить морскую силу Англіи и нападеніемъ на островъ Ямайку причинить ей большую потерю.

Англичане, напротивъ, стараясь не допустить соединенія этихъ флотовъ, напали на французовъ у Антильскихъ острововъ и нанесли имъ страшное пораженіе. Въ Вестъ-Индіи они такъ же остались побѣдителями и покрылись славой и блескомъ въ битвѣ подъ Гибралтаромъ.

Но довольно было уже бѣдствій, довольно убійства. Человѣческое чувство требовало мира, о мирѣ заставлялъ подумать и недостатокъ въ деньгахъ, такъ какъ государственные долги возрасли до невѣроятной степени. Къ концу 1782 г. въ Парижѣ приступили къ переговорамъ. Между Англіей и Соединенными Штатами Америки 30 ноября 1782 г. былъ заключенъ договоръ, а 20 января 1783 года Соединенные Штаты окончательно были признаны свободнымъ, самостоятельнымъ государствомъ, и было положено, что всѣ державы, участвовавшія въ войнѣ, взаимно выдадутъ свои завоеванія. Были и другія условія, но намъ до нихъ нѣтъ дѣла, такъ какъ взоры наши снова должны обратиться къ Вашингтону.

Покуда въ Парижѣ велись переговоры, американскій лагерь представлялъ печальное зрѣлище;

недостатокъ жалованья страшно увеличивалъ и безъ того невыносимую нужду солдатъ. Семейства ихъ на родинѣ терпѣли голодъ и холодъ, а впереди предвидѣлись для нихъ только бѣдствія.

Если во время войны не заботились о томъ, кто проливалъ кровь за отечество, чего же имъ надо было ждать теперь, когда опасность миновала и вездѣ царствовалъ эгоизмъ? Непростительно было Штатамъ забывать этихъ храбрецовъ! Въ лагерѣ былъ недостатокъ даже въ съѣстномъ, а безъ денегъ откуда было имъ взять его? Тѣ же, за кого они бились, плавали дома въ роскоши. Можно ли обвинять несчастныхъ, что они потеряли терпѣніе и считали себя жертвами грубой неблагодарности?

Вашингтонъ глубоко чувствовалъ это и всѣми силами старался помочь, но это удавалось ему далеко не такъ, какъ бы онъ желалъ. Онъ ясно представилъ опасность, которая угрожала, когда распустятъ армію, и когда доведенные до отчаянія люди шайками разойдутся по всей странѣ.

Чтобы предупредить эту опасность, чтобы выполнить данное имъ обѣщаніе: выдать половинное жалованье, надобны были деньги, а у конгресса ихъ не было. Возвысить налоги было самое вѣрное, но черезчуръ опасное средство, такъ какъ Англія уже истощила *этимъ* страну и довела ее до войны за свободу.

Корень зла находился именно въ слабой связи

отдѣльныхъ штатовъ и конгресса, который ничего не значилъ бы, если бы съ нимъ не согласились *девять штатовъ*. Но и при этомъ согласія на расходы дано не было. Положеніе офицеровъ было отчаянное.

Они собрались, наконецъ, и послали отъ себя депутацію къ конгрессу, чтобы представить ему свои справедливыя требованія. Депутація состояла изъ трехъ человѣкъ и была послана по настоянію Вашингтона.

Конгрессъ объявилъ жалованье государственнымъ долгомъ, но уплатить его не могъ. Доведенные до отчаянія, въ лагерѣ призывали даже къ возстанію.

Вашингтонъ давно сознавалъ уже справедливость этихъ жалобъ и старался удовлетворить ихъ. Теперь видѣлъ онъ, что воззваніе къ бунту, написанное съ такимъ одушевленіемъ, подѣйствовало, какъ искра на порохъ, и грозило опасностью, вредныя послѣдствія которой были неисчислимы. Офицеры назначили сходку. Вашингтонъ приказомъ запретилъ воззваніе, а сходку объявилъ незаконною. Для собранія и совѣщанія онъ назначилъ другой день, и такимъ образомъ офицерамъ пришлось выбирать между законнымъ и незаконнымъ. Гдѣ только могъ, онъ бесѣдовалъ съ офицерами, доказывалъ имъ незаконность ихъ замысловъ и совѣтовалъ соблюдать тишину и спокойствіе, такъ какъ еще не изсякли всѣ средства къ достиженію цѣли.

Волненіе было велико, но слова любимаго, честнаго, вѣрнаго вождя ничинали дѣйствовать. Тайные враги общественнаго спокойствія, боясь уничтоженія своихъ замысловъ, пустили между тѣмъ новое воззваніе къ солдатамъ. Оно было писано спокойнѣе, но все-таки возбуждало. До значительныхъ дѣйствій, правда, не дошло, но оно прибавило, какъ говорится, масла въ огонь.

Наступилъ день, назначенный Вашингтономъ для совѣщанія; онъ обратился къ своимъ офицерамъ съ свойственнымъ ему спокойствіемъ и ясностью, силой и правдой; онъ указалъ на коварное содержаніе воззванія, цѣлью котораго было только произвести мятежъ, указалъ на справедливый и прямой путь къ достиженію цѣли и одобрилъ употребленіе средствъ, отъ него зависящихъ; онъ признавалъ справедливость требованій офицеровъ и окончательно просилъ, чтобы они не дѣлали шага, который посрамитъ ихъ военную славу, нравственность и честь.

Въ словахъ его видно было полное участіе и забота о благѣ войска, живѣйшее желаніе помочь по мѣрѣ силъ. Рѣчь его произвела сильное впечатлѣніе и такіе результаты, какихъ желалъ и ожидалъ Вашингтонъ.

Молодой республикѣ угрожали и безъ того значительныя опасности, что же было бы, если бы по странѣ разошлось мятежное войско?

Опасность отстранена была свободнымъ, смѣ-

лымъ и вмѣстѣ кроткимъ словомъ благороднаго мужа.

Но какимъ же образомъ, спросятъ читатели, Соединенные Штаты до такой степени не заботились о людяхъ, проливавшихъ за нихъ кровь?

Всего меньше принимали участіе въ бойцахъ за свободу *тѣ штаты*, которые находились далеко отъ мѣстъ, гдѣ проливалась кровь, которые не испытали всей жестокости англичанъ и не понимали хорошенько, за что́ льется кровь. Ихъ мало безпокоили, и они вовсе не считали дѣла опаснымъ; этимъ объясняется и небрежность ихъ въ поставкѣ войскъ.

Другое обстоятельство — это то, что многіе, увлеченные страстью къ пріобрѣтенію богатствъ, все другое если не забывали, то цѣнили очень мало. Они равнодушно смотрѣли на многое, что казалось дорогимъ, даже неоцѣнимымъ болѣе образованнымъ жителямъ взморья, судившимъ по собственнымъ впечатлѣніямъ. Объятый эгоистическою страстью къ пріобрѣтенію, думая лишь о себѣ и собственномъ благосостояніи, человѣкъ становится жесткимъ и грубымъ; въ немъ нѣтъ мѣста благороднымъ чувствамъ.

Къ этому присоединялось еще и третье. Въ штатахъ, гдѣ уже издавна каждый былъ себѣ господиномъ, гдѣ жили далеко другъ отъ друга, не знали общаго для всѣхъ закона; именно въ этихъ штатахъ и зародились опасеніе солдатскаго

владычества и недовѣрчивый взглядъ на Вашингтона и обожавшее его войско. Здѣсь на войско смотрѣли, какъ на неизбѣжное зло, и думали, что чѣмъ меньше они будутъ платить ему жалованья, тѣмъ оно будетъ смирнѣе.

Ограниченны были люди, такъ цѣнившіе свою свободу и самостоятельность. Они преувеличивали опасность, какою грозило имъ солдатское владычество, и боялись его больше англійскаго ига. Отсюда и нежеланіе дѣлать что-либо для войска.

Какъ бы то ни было, оправдывать ихъ не станетъ никто; грубая неблагодарность и останется грубою неблагодарностью, чья бы она ни была.

И конгрессъ былъ неправъ въ этомъ дѣлѣ.

Вашингтонъ же, утишивъ волненіе, которое легко могло перейти въ грозу, покрылся еще большею славою. Это было испытаніе, гдѣ онъ узналъ, цѣнятъ ли его достоинства, питаютъ ли къ нему любовь и уваженіе. Съ внутреннимъ удовольствіемъ узналъ онъ, какъ признаютъ его честность, какъ вѣрятъ въ правдивость его, и какъ даже грубыя души цѣнятъ его золотыя намѣренія. Вашингтонъ во всѣхъ обстоятельствахъ стоялъ на своемъ, потому что былъ убѣжденъ, что говоритъ правду.

И теперь она была дороже всего для него. Онъ *поручился*, что цѣли можно достигнуть безъ возстанія, и исполнилъ это. Тотчасъ же обратился онъ къ конгрессу, и тотъ одобрилъ то, что сдѣлалъ, хвалилъ и обѣщалъ благороднѣйшій гражда-

нинъ Америки. Конгрессъ рѣшилъ, что сейчасъ же должно быть уплачено войску жалованье за пять лѣтъ.

Всѣ были довольны этимъ, и сердца всѣхъ были исполнены благодарностью къ тому, кто былъ защитникомъ и отвѣтчикомъ за солдатъ, заботился о нихъ, какъ о собственныхъ дѣтяхъ. Конгрессъ также выразилъ ему вполнѣ заслуженную имъ признательность.

Наконецъ, наступилъ давно желанный день, принесшій съ собой награду за всѣ жертвы, день окончательнаго признанія независимости Америки.

19 апрѣля 1783 года въ день, когда за восемь лѣтъ была пролита первая кровь гражданъ, объявлено было въ лагерѣ о заключеніи мира.

Каково было Вашингтону, пожертвовавшему для отечества восемью годами счастливой семейной жизни, когда онъ услышалъ эту вѣсть? Съ благодарностью и хвалой обратился онъ къ Тому, Кто былъ его утѣшеніемъ въ многочисленныхъ испытаніяхъ, защитою въ опасностяхъ, которымъ онъ такъ часто подвергался на войнѣ.

Наградой за его пожертвованіе, страданія и дѣятельность было сознаніе, что онъ совершилъ свой долгъ передъ Богомъ и людьми.

Благо тому, кто довольствуется этой наградой! Она богаче, почетнѣе той, какую могутъ доставить блескъ, почести и богатство: ея не постигнутъ никогда превратности судьбы!

Прежде, чѣмъ покончить со всѣмъ, Вашингтонъ задумалъ инкогнито проѣхаться по сѣвернымъ штатамъ, снова взглянуть на мѣста битвъ, орошенныя кровью его воиновъ и снова припомнить забытыя впечатлѣнія. Какъ часто въ это время обращался онъ мысленно къ Господу силъ, который сохранялъ его восемь лѣтъ въ битвахъ и, не смотря на всѣ затрудненія и перемѣны счастія, все привелъ къ желанному концу.

Какъ Вашингтонъ ни уклонялся отъ почестей, ничье имя не произносилось такъ часто, какъ его. Вездѣ встрѣчали его съ восторгомъ и почетомъ, какъ безпорочнаго гражданина, который доставилъ отечеству права и свободу.

Когда онъ возвращался изъ этого путешествія, превратившагося въ тріумфальное, онъ получилъ почетное письмо отъ предсѣдателя конгресса, гдѣ тотъ приглашалъ его принять участіе въ засѣданіяхъ этого высшаго собранія американскаго народа. Всѣ знали, что онъ равно талантливъ какъ въ войнѣ, такъ и въ совѣтѣ.

Принятъ былъ онъ самымъ почетнымъ образомъ. Онъ остался простымъ гражданиномъ, но цѣнимъ былъ выше всѣхъ. Чтобы ему было покойнѣе, устроили для него красивую дачу близъ города Принстона, гдѣ собирался конгрессъ, и здѣсь онъ наслаждался сельской тишиной въ кругу своего семейства и давалъ конгрессу совѣты, въ которыхъ тотъ такъ часто нуждался. Сенатъ опре-

дѣлилъ воздвигнуть ему, въ видѣ національной награды, мѣдную конную статую, работы знаменитѣйшаго европейскаго художника, въ будущей столицѣ Союза, гдѣ станетъ засѣдать конгрессъ. Мы знаемъ, что столицѣ этой благодарный народъ далъ имя своего спасителя и въ „Вашингтонѣ“ выстроилъ мраморный дворецъ для засѣданій конгресса.

Армія была распущена, и Вашингтонъ простился съ нею трогательнымъ письмомъ. Всѣ въ ней унесли въ сердцахъ своихъ его образъ на далекую родину, такъ какъ онъ всѣмъ былъ другомъ и отцемъ. Англичане очистили Нью-Іоркъ 25-го ноября. Въ то время, какъ англичане выходили съ музыкой изъ города, Вашингтонъ съ небольшимъ отрядомъ вступалъ въ него при радостныхъ кликахъ народа; высоко держалъ онъ въ воздухѣ звѣздное знамя Соединенныхъ Штатовъ, сановито кланялся властямъ города и радующемуся народу.

4 декабря былъ днемъ, который остался неизгладимымъ въ сердцахъ Вашингтона и другихъ участниковъ,—днемъ, когда онъ разставался съ своими братьями по оружію. Глубоко тронутый, какъ никогда прежде, вступилъ Вашингтонъ въ ихъ средину. У многихъ въ глазахъ блеснули слезы, при видѣ, какъ высокій, благородный мужъ, поблѣднѣвъ отъ внутренней скорби, стоялъ посреди ихъ. Онъ взялъ стаканъ вина, поднялъ его высоко и промолвилъ дрожащимъ голосомъ: „Полонъ любви и благодарности, прощаюсь съ вами! Дай Богъ

чтобъ дальнѣйшая жизнь ваша была такъ же радостна и счастлива, какъ славны и почетны предъидущіе дни!“ Онъ осушилъ стаканъ, въ который скатились двѣ слезы. — Потомъ онъ прибавилъ, что невозможно порознь прощаться съ каждымъ, хоть онъ и хотѣлъ бы пожать руку всѣмъ товарищамъ въ битвахъ и мукахъ.

Тогда подошелъ къ нему стоявшій ближе всѣхъ генералъ Кноксъ и протянулъ руку. Тотъ пожалъ ее и прижалъ Кнокса къ груди.

При этомъ прослезились самые твердые, закаленные непогодами мужи, и всѣ тѣснились, чтобы пожать руку уважаемаго всѣми; царствовала мертвая тишина, изрѣдка прерываемая рыданіями. Никто не говорилъ ни слова. Глубоко потрясенный Вашингтонъ вышелъ изъ залы. На дворѣ были выстроены солдаты, они отдали ему честь. Безмолвно кланяясь, съ шляпой въ рукахъ, проходилъ онъ сквозь ихъ ряды. За нимъ слѣдовало, наклонивъ головы и утирая слезы, нѣсколько офицеровъ. Они проводили его до берега среди безмолвнаго народа. Тотъ уважалъ чувства храбрецовъ и ихъ вождя. Онъ вошелъ на дожидавшійся его корабль и снова поклонился братьямъ по оружію, стоявшимъ на берегу. Тѣ молча простились съ нимъ также, многіе въ послѣдній разъ. Народъ былъ тронутъ и оставался безмолвнымъ. — Это мгновеніе, конечно, было самое возвышенное въ жизни благо-

роднаго мужа, и всеобщая тишина была гораздо выразительнѣе громкихъ кликовъ и ликованія.

ГЛАВА III.

По сложеніи съ него званія главнокомандующаго, для храбраго солдата наступила новая жизнь. Конгрессъ перенесъ свои засѣданія въ Анаполисъ въ штатѣ Мариландѣ. И онъ отправился туда, еще полный воспоминаніями о послѣднихъ дняхъ въ Нью-Іоркѣ.

Онъ открылъ предсѣдателю свое намѣреніе сложить съ себя прежнее званіе и передать его конгрессу; для этого предсѣдатель назначилъ засѣданіе на слѣдующій день.

Просто и съ достоинствомъ, спокойно и твердо, предсталъ первый гражданинъ Америки предъ избранными своего народа. При торжественномъ настроеніи духа, простыми словами онъ передалъ свою власть президенту, чтобы съ этой поры покинуть общественную службу и жить простымъ гражданиномъ и плантаторомъ въ своемъ дорогомъ Монтъ-Вернонѣ.

Президентъ отъ имени конгресса, отъ имени Соединенныхъ Штатовъ, обратился съ словами, полными уваженія, благодарности и почтенія, къ благородному гражданину, и увѣрялъ его, что тѣ чувства, которыя питаетъ къ нему нація, не должны

умереть и не умрутъ. Это были пророческія слова: исторія Америки доказала намъ это.

Оба послѣднія событія сильно тронули Вашингтона и надолго запечатлѣлись въ его сердцѣ, но нисколько не повредили здоровью; напротивъ благопріятствовали и укрѣпили его. Но все-таки тоска по семейству и семейной жизни, которыми онъ пожертвовалъ на 8 лѣтъ отечеству, была такъ велика, что, окончивъ поскорѣе всѣ дѣла, онъ возвратился въ Монтъ-Вернонъ.

Пенсильванцы еще передъ этимъ хотѣли видѣть его у себя и почетно встрѣтить; но въ письмѣ къ конгрессу, выражавшемъ народное желаніе, ничто не предрѣшалось,—желаніе пенсильванскаго народа и исполненіе этого желанія передавалось на разсмотрѣніе конгресса. Разсуждали много, но, зная образъ мыслей Вашингтона, рѣшились, наконецъ, послать къ благородному гражданину копію этого письма пенсильванцевъ, полагая, что это будетъ самое лучшее. Конгрессъ угадалъ. Вашингтонъ былъ глубоко тронутъ чувствами, выраженными въ письмѣ, но отклонился отъ манифестацій. Таковъ былъ этотъ человѣкъ, повелѣвавшій тысячами, добровольно и безъ всякаго сожалѣнія сложившій съ себя высокое званіе; онъ вновь сталъ простымъ гражданиномъ; вмѣсто полковъ онъ осматривалъ свои поля, рощи, луга, табуны — и въ этомъ положеніи едва ли былъ не счастливѣе, чѣмъ на той высотѣ, до которой достигъ.

Все свободное время онъ посвящалъ своему хозяйству. Каждый день бывали у него гости. Его домъ былъ открытъ для всѣхъ и каждаго, и это радушіе манило не только знакомыхъ, друзей, близкихъ и далекихъ, но и незнакомыхъ и иностранцевъ, которые хотѣли съ нимъ познакомиться. Особенно счастливы были дни, когда у него гостилъ его другъ и товарищъ по войнѣ, благородный французъ Лафаэтъ.

Дѣятельность его была чрезвычайно благотворна.

Двѣ провинціи составили по его плану два торговыя общества, чтобы сохранить Соединеннымъ Штатамъ земли на западъ отъ Аллеганскихъ горъ. Оба общества подарили ему обширныя земли, но онъ принялъ ихъ только съ условіемъ, чтобы доходы съ нихъ употреблялись на благотворительныя учрежденія. На эти деньги строилъ онъ школы и внесъ капиталъ на основаніе университета въ округѣ Колумбіи, на Потомакѣ. На образованіе юношества онъ пожертвовалъ большія суммы, особенно на школы для бѣдныхъ, дѣятельность которыхъ была очень благотворна. На его счетъ воспитывались многіе талантливые, но бѣдные молодые люди. Все это онъ дѣлалъ втайнѣ, и тѣ, которые благословляли его добродѣтель, чтобы не обидѣть его, ничего не говорили объ этомъ до самой его смерти. Любимой мыслію его было теперь отклонить соединеніе сѣверозападныхъ штатовъ съ Канадою и присоединить ихъ къ Соединеннымъ Штатамъ; на это онъ жертвовалъ много силъ, времени и денегъ, даже предпринялъ туда путешествіе, причемъ у него была еще цѣль: устроить сообщеніе этихъ земель съ освобожденными штатами посредствомъ канала. Онъ трудился до тѣхъ поръ, пока не достигъ желанной цѣли, и этимъ доказалъ вновь, какъ важно для него благо родины. Но еще многое нужно было сдѣлать. Союзъ штатовъ, которымъ война доставила независимость, въ мирное время снова началъ колебаться; надо было опасаться разъединенія. У конгресса было слишкомъ мало власти, чтобы упрочить единство и установить твердыя отношенія между штатами, особенно относительно торговли и государственнаго долга. Настоящее положеніе дѣлъ заключало въ себѣ уже столько недостатковъ, что не могло и не должно было продолжаться. Но средства для противодѣйствія этому еще не были выяснены. Всякій мыслящій человѣкъ чувствовалъ и понималъ, что эту задачу рѣшить нелегко, такъ какъ почти каждый хотѣлъ идти своимъ путемъ, смотря по тому, къ какой онъ принадлежалъ партіи.

Въ этой неурядицѣ взоры многихъ были обращены на тихій Монтъ-Вернонъ, гдѣ жилъ человѣкъ, всегда проницательный и твердый волею. Что онъ въ тишинѣ уже придумалъ средство, это должно было предвидѣть, и потому обратились прямо къ нему, помощнику въ нуждѣ.

Что же было поставлено на карту? Развѣ стра-

данія, битвы, кровь, пролитая въ восемь несчастныхъ лѣтъ, были напрасны? И весь союзъ, соединеніе свободныхъ штатовъ, возбудившій удивленіе всего міра, развѣ онъ былъ устроенъ только на потѣху врага?

Надо было противиться этому, пока не было поздно. Вашингтонъ понималъ и раздумывалъ объ этомъ; онъ нашелъ средство къ спасенію и часто говорилъ о немъ, хотя только въ кругу друзей.

Выборные Виргиніи, не безъ указанія Вашингтона, поняли, что существующій конгрессъ далеко не имѣетъ ни власти, ни вліянія, чтобы создать твердое и вмѣстѣ съ тѣмъ общее для всѣхъ штатовъ правительство. При такихъ обстоятельствахъ они обнародовали воззваніе ко всѣмъ Соединеннымъ Штатамъ, чтобы тѣ послали въ Филадельфію, помимо конгресса, уполномоченныхъ, чтобы тамъ, общими силами, разсудить объ общемъ законномъ правительствѣ.

Виргинія тотчасъ приступила къ выборамъ, и, безъ сомнѣнія, всѣми превозносимый и почитаемый Вашингтонъ стоялъ во главѣ кандидатовъ. Приметъ ли онъ выборъ, это еще былъ вопросъ, такъ какъ были значительныя препятствія и самое главное, что собраніе выборныхъ отъ штатовъ въ Филадельфіи безъ согласія конгресса было собственно незаконно. Конгрессъ оказался настолько умнымъ, что, понимая необходимость и пользу этой мѣры, согласился на нее. По устраненіи этого и другихъ

препятствій, которыя были не менѣе важны, Вашингтонъ къ всеобщей радости принялъ выборъ.

Съ большими почестями приняли въ Филадельфіи освободителя Америки, когда въ маѣ 1787 года собрались тамъ выборные. Всѣ штаты участвовали въ выборахъ, исключая Родъ-Исланда. Но это нисколько не помѣшало, и первое торжественное засѣданіе, гдѣ надо было избрать президента, было открыто. Было бы непостижимо, если бы въ президенты избрали кого-либо другаго, а не того, кому Америка была обязана своей свободой, и кого вмѣстѣ съ тѣмъ признавали чистѣйшимъ и горячимъ защитникомъ союза и мудрѣйшимъ изъ всѣхъ избранныхъ для обсужденія конституціи. Онъ единогласно былъ избранъ предсѣдателемъ собранія и руководителемъ всѣхъ совѣщаній. Трудъ предстоялъ громадный, тяжелый. Всѣ сознавали это. Всѣ были исполнены благороднѣйшаго рвенія окончить его такъ, какъ отъ нихъ ожидали. Четыре мѣсяца занимались они отъ 5 до 6 часовъ ежедневно. Какая поднялась бы борьба, при такомъ разнообразіи мнѣній, въ этомъ важномъ дѣлѣ, если бы дѣльная, но притомъ простая, ясная и полная любви къ отечеству рѣчь Вашингтона не отстраняла этого, не примиряла бы партій.

Наконецъ, 12 сентября 1787 года, установлено было правительство Соединенныхъ Штатовъ, и всѣ выборные скрѣпили свой трудъ подписями. 13 штатовъ составили одно цѣлое, имѣли общіе

законы. Но въ уложеніи все-таки были недостатки — вѣдь это былъ трудъ человѣческій; со многими пунктами его не соглашались ни Вашингтонъ, ни Франклинъ, но они, ради спасенія отечества, безропотно покорились большинству. Большая и лучшая часть уложенія была дѣломъ Вашингтона; это признавало все собраніе.

Оставалось еще согласіе народа, который могъ принять и не принять его. Уложеніе было передано конгрессу, а тотъ передалъ его правительствамъ отдѣльныхъ штатовъ, чтобы въ народныхъ собраніяхъ обсудить его, или, вѣрнѣе, принять или отвергнуть. На это потребовался годъ, и это принесло большую пользу, такъ какъ въ это время можно было вполнѣ испытать уложеніе. Окончательно оно было принято ко благу Америки.

Но еще не кончились труды и опасности для 13 соединенныхъ штатовъ. Основной законъ, т. е. уложеніе, и способъ, какимъ должно было производиться управленіе, были даны и утверждены; но оставалось еще приложить все это къ дѣйствительности, къ жизни; оставалось принять къ дѣлу каждую букву этого закона; и кто подумаетъ, что это заботливо, безъ упущенія правъ и со вниманіемъ къ нуждамъ народа составленное уложеніе не имѣло враговъ, тотъ не знаетъ ни состоянія Америки, ни ея исторіи. Тутъ требовалась твердая, осмотрительная и знающая дѣло рука, которая взяла бы кормило правленія. Государство нуждалось въ

главѣ. Это былъ „президентъ“, выбираемый каждые четыре года. И именно теперь при первомъ выборѣ и было затрудненіе. Кого выбрать президентомъ? спрашивали всѣ, всѣ сердца волновались, но какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ, на западѣ и востокѣ 13-ти соединенныхъ штатовъ, всѣ произносили одно имя: Георгъ Вашингтонъ изъ Монтъ-Вернона.

Опять затрудненіе — не сказалъ ли благородный мужъ, слагая съ себя званіе главнокомандующаго, что онъ удалился навсегда отъ общественной дѣятельности и хочетъ посвятить себя семейству и своему любимому занятію, сельскому хозяйству? Промѣняетъ ли онъ тишину частной жизни на тяжкую и отвѣтственную должность президента? покинетъ ли онъ, котораго не манятъ ни честолюбіе, ни страсть къ владычеству, свой мирный Монтъ Вернонъ, гдѣ онъ всѣмъ доволенъ? И многіе думали: нѣтъ! съ горестью думали это, такъ какъ только въ Вашингтонѣ соединились всѣ качества, необходимыя для президента, который могъ превратить мертвыя буквы уложенія въ дѣйствительность; не изъ его ли головы вышло все лучшее въ немъ? Объ этомъ говорили еще задолго до дня выбора. Противъ тѣхъ, которые думали, что Вашингтонъ не приметъ выбора, возставали знавшіе его лучше; они говорили: когда зоветъ его отечество, когда дѣло идетъ о благѣ родины, тогда онъ броситъ все и исполнитъ священный долгъ

гражданина. Дай Богъ! отвѣчали другіе вздыхая. Друзья его письменно и словесно убѣждали выслушать просьбу народа.

Благородный мужъ, чуждый тщеславія, все взвѣсилъ, обсудилъ, изслѣдовалъ и, какъ всегда въ подобныхъ минутахъ жизни, обратился съ мольбою къ Богу и, получивъ такимъ образомъ рѣшимость, разстался съ тихимъ счастіемъ, довольствомъ, любимыми занятіями въ полѣ и чистымъ воздухомъ. Онъ бросилъ, хотя и неохотно, плугъ, чтобы стать президентомъ Соединенныхъ Штатовъ. Онъ былъ избранъ единогласно, и повсюду въ обширномъ союзѣ, во всѣхъ штатахъ ликовали, услышавъ о принятіи имъ этого выбора.

Путешествіе его изъ Монтъ-Вернона, которому съ печалью онъ долженъ былъ сказать прости, было похоже на тріумфальное. Вездѣ встрѣчали его почести, которыя могъ только оказать народъ. Это утомляло скромнаго человѣка. Когда онъ вступалъ въ Нью-Іоркъ, то всѣ жители этого богатаго города собрались встрѣтить его и принесть ему благодарность и почести за жертву, которую онъ приносилъ, принимая должность президента, за жертву, значеніе которой народъ понималъ. Народъ, власти, первые люди въ странѣ старались превзойти другъ друга. Долго надо было бы описывать всѣ эти почести; я упомяну только объ одномъ: когда принялъ онъ присягу, то упалъ на колѣни предъ Тѣмъ, Кому покланяются и небо и земля, и, поникнувъ

головою, молился: „О Боже! помоги мнѣ, слабому, и дай съ успѣхомъ совершить это дѣло! Да пріидетъ царствіе твое! Да будетъ воля Твоя! Да святится имя Твое! Аминь.“ И полный надежды, что благочестивая и покорная молитва его будетъ услышана, онъ уснулъ съ мыслію о завтрашнемъ днѣ, въ который ожидали его тяжкіе труды и заботы. — Прежде, чѣмъ приступить къ правленію и устроенію государства, онъ устроилъ все у себя дома.

Управляющій его въ Монтъ-Вернонѣ получилъ точнѣйшія предписанія и долженъ былъ представлять ему отчеты по хозяйству. Всѣ эти счеты онъ просматривалъ и повѣрялъ самъ и для справокъ велѣлъ сшивать ихъ вмѣстѣ. Въ домѣ у него царствовалъ полный порядокъ; дворецкій долженъ былъ въ недѣлю разъ представлять счеты и расписки мясниковъ, сапожниковъ и портныхъ и пр. Все это онъ пересматривалъ и утверждалъ. Рабочіе часы были точно опредѣлены. Отъ 3-хъ до 4-хъ часовъ пополудни онъ принималъ всѣхъ; въ другіе часы—никого. Въ пятницу вечеромъ, на половинѣ его жены, собирались гости, и онъ появлялся тамъ. Вездѣ царствовала простота и радушіе; воскресенье было святымъ днемъ. Онъ шелъ съ домашними къ обѣднѣ и цѣлый день никого не принималъ; вечеромъ онъ читалъ съ ними слово Божіе и молился.

Приглашеній на обѣды онъ никогда не принималъ; но каждый день за его столомъ сидѣли друзья,

чиновники и посланники другихъ державъ. Во всемъ была простота, но не безъ достоинства. За этимъ наблюдали въ точности. Нельзя допустить, чтобы первый человѣкъ въ Штатахъ былъ скупымъ. Скупость, равно какъ и жадность, были чужды ему; онъ и принялъ эту высшую должность только съ условіемъ, что не будетъ получать жалованья; за расходы же, какіе онъ сдѣлаетъ на пользу государства, будутъ ему уплачивать, какъ въ то время, когда онъ былъ главнокомандующимъ. На это опредѣлено было конгрессомъ 25,000 долларовъ, но кто можетъ судить о выдачахъ „перваго чиновника союза", тотъ повѣритъ, что Вашингтонъ прибавлялъ еще значительную сумму изъ своего кармана. Онъ не ворчалъ на это, онъ жертвовалъ это отечеству. Это знала вся Америка. Послѣ этого можно ли хоть на минуту сомнѣваться въ довѣріи, какое питали къ нему всѣ.

Только теперь, устроивъ свои домашнія дѣла, приступилъ онъ къ управленію государствомъ. Важныя должности онъ поручилъ достойнымъ людямъ, и народъ съ одобреніемъ слѣдилъ за этою раздачею мѣстъ. Знакомство его съ множествомъ личностей много пособило ему при раздачѣ низшихъ должностей. За исправленіемъ должности онъ всегда слѣдилъ самъ, но не употреблялъ въ этомъ случаѣ ни строгости, ни жестокости. Даже тотъ, кого смѣняли съ должности, уходилъ утѣшенный

имъ и сознавая, что съ нимъ поступили справедливо.

Какія часто нелѣпыя и безтолковыя просьбы подаются человѣку, имѣющему такую власть и силу! Сколько надо самообладанія и терпѣнія, чтобы не разсердиться и не отослать ихъ назадъ съ презрѣніемъ. Примѣры показываютъ, какъ легко высшій чиновникъ, заваленный дѣлами, дѣлается раздражительнымъ. Вашингтонъ умѣлъ себя сдерживать. Его ничто не раздражало. Спокойно и сдержанно объявлялъ онъ свое рѣшеніе и убѣдительно излагалъ причины этого просителю. Тѣ, кому онъ отказывалъ въ исполненіи ихъ просьбы, уходили часто со стыдомъ, но никто не уходилъ обиженнымъ. Если было нужно, президентъ строго порицалъ, но никогда никого не оскорблялъ; онъ осуждалъ поступки, но щадилъ личности.

Но тягость работы и множество занятій были не подъ силу даже его исполинскимъ плечамъ. Вашингтонъ опасно заболѣлъ и, едва выздоровѣвъ, былъ пораженъ смертію своей добродѣтельной и милой матери. Его здоровье требовало немедленнаго удаленія отъ всѣхъ занятій. Но рѣшиться на это только для того, чтобы лечиться, ему никогда не приходило и на умъ. Если онъ и задумалъ бы отправиться на спокой, то и тамъ не покинули бы его заботы о благѣ государства. Теперь ему было необходимо оставить всѣ дѣла, чтобы, поправившись и укрѣпившись въ здоровьѣ, вновь заняться

ими. Онъ выбралъ путешествіе въ восточные штаты союза. При этомъ онъ хотѣлъ познакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ нихъ, съ толками народа объ его управленіи, съ тѣмъ, какъ примѣняютъ къ дѣлу уложеніе, и съ результатами его, а также и для того, чтобы выслушать заявленія и желанія народа, думая такимъ образомъ путешествіе съ цѣлью отдохнуть отъ дѣлъ употребить на пользу отечества.

Съ любовью, уваженіемъ и благодарностью готовились встрѣчать его. Повсюду всѣ классы народа, другъ передъ другомъ, старались изъявить ему свою любовь. Ему было пріятно видѣть повсюду улучшеніе народнаго быта, повсемѣстный порядокъ и справедливость, процвѣтаніе городовъ и деревень, успѣхи земледѣлія, быстро возрастающую торговлю, вновь возникнувшія училища для образованія народа.

Окрѣпнувъ духомъ и тѣломъ, счастливый счастіемъ народа, которое онъ видѣлъ собственными глазами, плодами дорого купленнаго мира, Вашингтонъ тихо возвратился въ свое дорогое семейство и къ дѣятельности; онъ чувствовалъ себя здоровымъ и тотчасъ же принялся за дѣла. Вниманіе свое онъ обратилъ преимущественно на двѣ вещи: на государственные долги, — на расходъ и приходъ — и на сношенія союза съ другими государствами.

Между тѣмъ какъ онъ мудро устроивалъ первое и старался болѣе укрѣпить довѣріе народа къ правительству, другое у него лежало камнемъ на

сердцѣ, особенно отношенія къ Англіи, которая едва сдерживала свой ропотъ противъ американцевъ и, не смотря на всѣ мирные трактаты, удерживала за собой пограничныя крѣпости. Были предлоги или, по крайней мѣрѣ, сѣмена раздора, въ слѣдствіе возрастающаго съ обѣихъ сторонъ неудовольствія, къ тому, чтобы только-что поконченная война возгорѣлась вновь со всѣми ея печальными событіями и послѣдствіями. Вашингтонъ думалъ, что этого допускать нельзя. Испанія также смотрѣла враждебно. Она видѣла въ Соединенныхъ Штатахъ примѣръ для своихъ колоній, которыя притомъ управлялись ею не очень-то милостиво и кротко; но вѣдь средство предотвратить это *было въ ея рукахъ*.

Она запретила свободное плаваніе американскихъ судовъ по Миссиссипи, отъ чего тѣ понесли большіе убытки. Это во всякомъ случаѣ тяготило Вашингтона, но и тутъ онъ нашелся: онъ отправилъ тайныхъ агентовъ въ Англію и Испанію, и, благодаря его миролюбивымъ намѣреніямъ, эти дѣла къ удовольствію обѣихъ сторонъ были покончены. Настроеніе этихъ двухъ государствъ, впрочемъ, было далеко не миролюбивое, и Вашингтону пришлось испытать борьбу съ индійцами, которыхъ на сѣверѣ подстрекали англичане, а на югѣ испанцы. Кто слышалъ объ ужасныхъ войнахъ индійцевъ, цѣль которыхъ убійства и пожары, тотъ пойметъ, что это обстоятельство заставило Вашингтона за-

думаться не на шутку. Онъ смотрѣлъ на индійцевъ не такъ, какъ смотрѣли на нихъ въ позднѣйшія времена. Онъ обходился съ ними не такъ, какъ обходились раньше: съ жестокостью и недружелюбіемъ. Его благородное сердце привыкло уважать права каждаго, и здѣсь онъ нашелъ, что справедливость, соединенная съ кротостью, принесетъ болѣе пользы, чѣмъ противное. Онъ честно заплатилъ имъ за уступленныя земли и заключилъ съ ними договоры, которые возбудили уваженіе и довѣріе индійцевъ къ „великому отцу", какъ они называли президента. Но все-таки тайные происки англичанъ и испанцевъ довели индійцевъ до разрыва, котораго американцы избѣгали, сколько могли. Началась война. Англія снабжала индійцевъ оружіемъ, порохомъ и другими пособіями, и такимъ образомъ поддерживала войну отъ 4 до 5 лѣтъ, пока американскій генералъ Вайнъ рѣшительной битвой не положилъ конца войнѣ, мѣшавшей мирному развитію Америки, и не принудилъ индійцевъ къ миру.

Тяжесть спала съ плечъ Вашингтона, когда съ индійцами былъ заключенъ миръ. Между тѣмъ въ странѣ образовались враждебныя партіи, нарушавшія спокойствіе, подъ кровомъ котораго единственно могло преуспѣвать государство.

Одна изъ этихъ партій утверждала, что конституція или государственное уложеніе даетъ президенту слишкомъ много власти, и съ этой стороны можно опасаться притѣсненія и вреда для народной свободы, другая же прямо противорѣчила этому; она полагала, что президентъ, имѣя въ своихъ рукахъ исполнительную власть, былъ слишкомъ стѣсненъ въ примѣненіи этой власти и поэтому не могъ употребить ее, какъ слѣдуетъ, для блага отечества. Одни хотѣли уменьшить власть президента; другіе увеличить. Противоположность была слишкомъ велика; партіи черезчуръ расходились въ мнѣніяхъ, и согласить ихъ не было никакой возможности. Партіи и ихъ главы негодовали одна на другую, и можно было ожидать распаденія, — что́ было бы величайшимъ несчастіемъ для страны. Вашингтонъ видѣлъ, что эти противоположныя мнѣнія трудно согласить; но онъ понималъ, что можно уменьшить это несогласіе, предупреждая враждебныя столкновенія въ общественной жизни и отношеніяхъ. Онъ старался сблизить предводителей партій и увеличить взаимную ихъ терпимость и согласіе и насколько возможно побудить ихъ къ взаимнымъ уступкамъ.

Ему только, человѣку справедливому, правдивому и кроткому, уважаемому одинаково обѣими партіями, могло удасться это; и дѣйствительно, ему удалось потушить пламень дикихъ страстей и устроить дѣло такъ, чтобы вражда партій не подавала повода къ радости враговъ и къ умаленію союза въ глазахъ другихъ державъ.

Въ конгрессѣ были засѣданія относительно его будущаго постояннаго мѣстопребыванія и о

силахъ государства. При этомъ хотя и сошлись окончательно въ мнѣніяхъ, все-таки порѣшили, что конгрессъ на 10 лѣтъ будетъ перенесенъ въ Филадельфію, по прошествіи же этого срока онъ долженъ навсегда избрать своимъ мѣстопребываніемъ одинъ изъ городовъ на Потомакѣ. Это рѣшеніе конгресса казалось невполнѣ безопаснымъ, такъ какъ въ то время еще на Потомакѣ не было такихъ городовъ, которые были бы въ состояніи соперничать съ Филадельфіею, но если принять во вниманіе, съ какою баснословною скоростью увеличивается въ Америкѣ населеніе, если удачно выбрано мѣсто для поселенія, и какъ скоро незначительныя деревни превращаются въ обширные города, то, принимая во вниманіе вышесказанный срокъ, опредѣленіе конгресса явится въ другомъ свѣтѣ. Но о существующихъ городахъ не думали; положено было выстроить новый городъ, который будетъ столицею. Выбрали мѣсто, и штаты Виргинія и Мэриландъ, которымъ принадлежало это пространство въ 4 квадратныя мили, охотно его уступили; былъ составленъ планъ, и городъ долженъ былъ назваться Колумбіею, въ честь открывшаго Америку Христофора Колумба. По смерти благороднаго Вашингтона этотъ городъ навсегда получилъ его имя.

Для государственныхъ цѣлей были возведены величественныя зданія, постройкою которыхъ руководилъ самъ Вашингтонъ: великолѣпное зданіе

для конгресса, названное Капитоліемъ, а также и дворецъ для президента. Городъ возрасталъ неимовѣрно, и уже въ то время въ немъ считалось до 30.000 жителей.

Годы дѣятельности Вашингтона въ должности президента приходили къ концу. Онъ былъ радъ сложить съ себя высокое званіе президента, и красивый Монтъ-Вернонъ манилъ его на покой; къ тому же подошла старость, когда человѣкъ ищетъ только мира и спокойствія.

Но не таковы были желанія народа. Всѣ, даже прямо противоположныя партіи, были убѣждены, что его замѣнить некому, что только онъ можетъ остаться и быть президентомъ. Всѣ умоляли его, чтобы онъ не думалъ о сельской жизни.

На выборахъ вся страна, всѣ партіи избрали *его*. Противъ него не было ни одного голоса!

Могъ ли отказаться вѣрный другъ своего народа, къ которому стремились всѣ его сердечныя желанія?

Снова на 4 года принялъ онъ выборъ. Глубоко тронутый, 4 марта 1793 года снова вступилъ онъ въ это званіе.

Первый разъ, когда онъ садился на президентское кресло, все вниманіе его было сосредоточено только на родинѣ и обстоятельствахъ, въ которыхъ она находилась; теперь же дѣло было другое. Во Франціи свирѣпствовали всѣ ужасы революціи. Первое извѣстіе, полученное вновь избраннымъ пре-

зидентомъ, было о томъ, что король Людовикъ XVI казненъ на гильотинѣ, и Франція объявила войну Англіи и Голландіи.

Въ какое же положеніе стала Америка къ дружественной странѣ и народу, оказавшему недавно такую важную помощь? Вашингтонъ былъ того мнѣнія, что не слѣдуетъ протягивать руку странѣ, запятнавшей себя цареубійствомъ. Онъ объявилъ, что будетъ придерживаться нейтралитета между воюющими державами. Къ этому побудила его мысль, что разрозненной еще Америкѣ не должно вмѣшиваться въ кровавыя распри Европы, чтобы не повредить себѣ.

Планъ этотъ былъ самый лучшій, спасительный; но въ странѣ раздавались и другіе крики,— говорили: мы въ союзѣ съ французами, мы обязаны помочь имъ.

Когда Вашингтонъ обстоятельно узналъ положеніе дѣлъ во Франціи, тогда окончательно и возсталъ противъ участія въ войнѣ и своеволія партій въ Америкѣ. Такимъ образомъ со многими въ странѣ онъ разошелся въ мнѣніяхъ.

Изъ Франціи прибылъ самый горячій ея сторонникъ за помощью. Онъ возбуждалъ вездѣ восторгъ. Вашингтонъ употреблялъ всѣ силы, чтобъ удержать все увлекающій потокъ. Отношенія къ Франціи были запутаны, къ Англіи еще хуже, такъ какъ та часто нарушала трактатъ и нано-

сила оскорбленія. Такъ она далеко еще не исполнила всѣхъ условій трактата.

Какъ ни любилъ и ни искалъ Вашингтонъ мира, но во многихъ случаяхъ честь Америки требовала поступать иначе. Онъ послалъ въ Англію посла, чтобы по возможности уладить дѣло и не довести до войны.

Удастся ли ему? былъ вопросъ, за которымъ слѣдовало принять мѣры для отвращенія грозившей опасности. Поэтому укрѣпляли гавани, и собрано было 80,000 человѣкъ милиціи. Напряженіе народа было чрезвычайное, а во мракѣ неутомимо работали разныя партіи для достиженія своихъ разнообразныхъ цѣлей.,

Къ этимъ грознымъ обстоятельствамъ присоединилось еще одно. Конгрессъ наложилъ акцизъ на водку. Подобные налоги были ненавистны народу, ибо напоминали о тѣхъ произвольныхъ податяхъ которыя налагали англичане. Въ слѣдствіе этого произошли безпорядки. Сборщиковъ податей оскорбляли, особенно въ западной части Пенсильваніи. Этого нельзя было допустить въ хорошоустроенномъ государствѣ. Были назначены слѣдствія, и главный судья былъ посланъ въ тѣ мѣстности, гдѣ произошли безпорядки; но и съ нимъ обошлись еще хуже. На него напали, избили и прогнали.

Для противодѣйствія закону объ акцизѣ вооружилось до 16,000 человѣкъ, и президентъ грозилъ поступить по всей строгости, если они не поло-

зидентомъ, было о томъ, что король Людовикъ XVI казненъ на гильотинѣ, и Франція объявила войну Англіи и Голландіи.

Въ какое же положеніе стала Америка къ дружественной странѣ и народу, оказавшему недавно такую важную помощь? Вашингтонъ былъ того мнѣнія, что не слѣдуетъ протягивать руку странѣ, запятнавшей себя цареубійствомъ. Онъ объявилъ, что будетъ придерживаться нейтралитета между совоюющими державами. Къ этому побудила его мысль, что разрозненной еще Америкѣ не должно вмѣшиваться въ кровавыя распри Европы, чтобы не повредить себѣ.

Планъ этотъ былъ самый лучшій, спасительный; но въ странѣ раздавались и другіе крики,— говорили: мы въ союзѣ съ французами, мы обязаны помочь имъ.

Когда Вашингтонъ обстоятельно узналъ положеніе дѣлъ во Франціи, тогда окончательно и возсталъ противъ участія въ войнѣ и своеволія партій въ Америкѣ. Такимъ образомъ со многими въ странѣ онъ разошелся въ мнѣніяхъ.

Изъ Франціи прибылъ самый горячій ея сторонникъ за помощью. Онъ возбуждалъ вездѣ восторгъ. Вашингтонъ употреблялъ всѣ силы, чтобъ удержать все увлекающій потокъ. Отношенія къ Франціи были запутаны, къ Англіи еще хуже, такъ какъ та часто нарушала трактатъ и нано-

сила оскорбленія. Такъ она далеко еще не исполнила всѣхъ условій трактата.

Какъ ни любилъ и ни искалъ Вашингтонъ мира, но во многихъ случаяхъ честь Америки требовала поступать иначе. Онъ послалъ въ Англію посла, чтобы по возможности уладить дѣло и не довести до войны.

Удастся ли ему? былъ вопросъ, за которымъ слѣдовало принять мѣры для отвращенія грозившей опасности. Поэтому укрѣпляли гавани, и собрано было 80,000 человѣкъ милиціи. Напряженіе народа было чрезвычайное, а во мракѣ неутомимо работали разныя партіи для достиженія своихъ разнообразныхъ цѣлей.,

Къ этимъ грознымъ обстоятельствамъ присоединилось еще одно. Конгрессъ наложилъ акцизъ на водку. Подобные налоги были ненавистны народу, ибо напоминали о тѣхъ произвольныхъ податяхъ которыя налагали англичане. Въ слѣдствіе этого произошли безпорядки. Сборщиковъ податей оскорбляли, особенно въ западной части Пенсильваніи. Этого нельзя было допустить въ хорошоустроенномъ государствѣ. Были назначены слѣдствія, и главный судья былъ посланъ въ тѣ мѣстности, гдѣ произошли безпорядки; но и съ нимъ обошлись еще хуже. На него напали, избили и прогнали.

Для противодѣйствія закону объ акцизѣ вооружилось до 16,000 человѣкъ, и президентъ грозилъ поступить по всей строгости, если они не поло-

жатъ оружія. Это подлило масла въ огонь. Мятежники приготовлялись къ борьбѣ.

Дѣло было серьезное, и 15,000 челов. милиціи было двинуто въ возмутившіяся мѣстности. Угроза подѣйствовала. Мятежники испугались гражданской войны, и спокойствіе было возстановлено безъ пролитія крови. Вашингтонъ искренно благодарилъ Бога за такой исходъ дѣла, за то, что онъ не допустилъ братоубійства, и союзъ не былъ разрушенъ, что́ было бы позорнымъ примѣромъ.

Посолъ объяснился съ англичанами на счетъ недоразумѣній, и хотя Вашингтонъ не во всемъ соглашался съ нимъ, инымъ даже былъ недоволенъ, но все таки видѣлъ ясно всѣ выгоды, добытыя для союза. Кромѣ того, онъ былъ убѣжденъ, что только въ мирѣ могъ развиться гражданскій и законный порядокъ государства. Это былъ, конечно, самый вѣрный взглядъ на состояніе Америки, этого столь своеобразнаго государства, что издалека невозможно было и судить о немъ. Поэтому онъ подписалъ договоръ, съ которымъ согласились и представители народа. Не былъ утвержденъ только одинъ пунктъ, по которому стѣснялся вывозъ продуктовъ изъ южныхъ штатовъ. Такъ какъ договоръ былъ напечатанъ въ газетахъ, то всѣ партіи принялись судить о немъ. Съ быстротой молніи сдѣланы были оттиски и разосланы по всей странѣ, такъ что не было сомнѣнія въ томъ, что недовольные желаютъ поднять всю страну,

свергнуть правительство и поставить новое по *своему* вкусу.

Вашингтонъ понималъ затруднительное положеніе дѣлъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ убѣжденъ, что ему слѣдуетъ всею силою противиться этому порыву и не сходить съ пути, которому онъ слѣдовалъ. Когда, наконецъ, Англія утвердила договоръ и согласилась на условія Америки о вывозѣ продуктовъ изъ южныхъ штатовъ, тогда мало-помалу стихъ и ропотъ недовольныхъ и именно пропорціонально тому, какъ оказывались благодѣтельныя свойства договора.

Чѣмъ ближе былъ срокъ вторичной Вашингтона службы президентомъ, чѣмъ болѣе укрѣплялось въ немъ намѣреніе покинуть дѣла, тѣмъ живѣе было его желаніе упрочить отношенія Америки къ народамъ не совсѣмъ дружественнымъ, покуда еще не сойдетъ съ президентскаго кресла. Такими народами были на югѣ испанцы, на востокѣ индійцы, старые враги американцевъ, снова дерзко начинавшіе подымать голову и совершать свои жестокости на границахъ.

Благодаря его искусству выбирать способныхъ людей, это удалось Вашингтону вполнѣ, и онъ съ удовольствіемъ видѣлъ, что договоры съ обоими народами устранили всѣ несогласія. Теперь, съ спокойнымъ сердцемъ, съ сознаніемъ исполненнаго долга, могъ онъ оставить должность.

Не допуская возраженій, въ письмѣ къ народу

выразилъ онъ свою твердую волю покинуть дѣла и удалиться въ свой тихій и мирный Монтъ-Вернонъ. Онъ дѣлаетъ это заранѣе для того, писалъ онъ, чтобы отвратить всѣ сомнѣнія и доставить народу время найти способнаго человѣка на его мѣсто.

Снова явился онъ въ собраніе конгресса, чтобы представить внутреннее положеніе страны, и внѣшнія ея отношенія, а также и пожелать напередъ лучшаго успѣха. Изъ этихъ пожеланій ясно видно, въ чемъ полагалъ благородный мужъ пользу и справедливость: въ увеличеніи флота, въ учрежденіяхъ, способствующихъ земледѣлію и промышленности, въ устройствѣ военныхъ школъ, для образованія дѣльныхъ офицеровъ, и другихъ заведеній, чтобы не только расширить образованіе, но и доставить странѣ хорошихъ чиновниковъ, священниковъ и судей. Вотъ совѣты и желанія при прощаньѣ того, кто по справедливости могъ быть названъ: „отцомъ отечества."

Со всѣхъ концовъ страны доставлялись къ нему адресы съ изъявленіями благодарности за его дѣятельность, за его пожертвованія. Прекрасная, вечерняя заря озарила его удаленіе отъ дѣлъ, и при свѣтѣ ея онъ удалился въ Монтъ-Вернонъ, гдѣ ожидали его любящіе родные.

Польза, которую онъ принесъ странѣ, была неисчислима; она послужила основаніемъ всей его будущей славѣ. Это понималъ народъ и оттого-то

онъ такъ горевалъ при его удаленіи; даже тѣ, которые возставали на него при заключеніи договора съ Англіей, — и тѣ чувствовали, что поступали несправедливо и безразсудно въ отношеніи къ нему: время показало всю справедливость его поступковъ, которыхъ они не понимали въ то несчастное, бурное время. Можно навѣрно сказать, что, оставляя дѣла, онъ не имѣлъ ни одного врага, но весь народъ горевалъ, говоря: *Никто никогда не будетъ лучше править государствомъ!*

ГЛАВА IV.

Какъ прежде, такъ и теперь, обстоятельства для Вашингтона собственно не перемѣнились. Онъ былъ одинаковъ какъ на президентскомъ креслѣ, такъ и за плугомъ въ Монтъ-Вернонѣ; одна разница: у него не было заботы о народѣ и отечествѣ; онъ дышалъ свободно, легко, весело; опять былъ любящимъ отцомъ для своего семейства.

Такъ думалъ благородный мужъ насладиться послѣдними днями безкорыстной и полной благородныхъ дѣлъ жизни и снова предался любимымъ занятіямъ своимъ: хозяйству и земледѣлію. Съ удовольствіемъ видѣлъ онъ повсюду слѣды своей осмотрительной дѣятельности, радовался дѣйствію на его здоровье жизни на чистомъ воздухѣ, движенія по веселой, красивой мѣстности; былъ доволенъ

въ кругу образованныхъ людей, пріѣзжавшихъ изъ окрестности и издалека, или среди путешественниковъ изъ дальней Европы, желавшихъ выразить свое почтеніе герою и законодателю Америки и являвшихся на порогѣ гостепріимнаго Монтъ-Вернона.

Старость и усилія, которыхъ требовала отъ него служба, нисколько не уменьшили ни его духовныхъ силъ, ни его ласковости. Онъ чувствовалъ себя здоровымъ, свѣжимъ и довольнымъ, такъ что семейство благодарило Того, Кто устроилъ имъ это счастіе, и молили Бога только объ одномъ, чтобъ Онъ продлилъ его.

Но, казалось, счастіе не будетъ продолжительно; на небѣ собирались мрачныя, грозныя тучи; бѣда грозила изъ той страны, которая прежде помогала Америкѣ, изъ Франціи.

Послѣ того, какъ Франція въ дикомъ, преступномъ увлеченіи разрушила королевство и совершила злодѣйское дѣло — позволила скатиться на гильотинѣ головѣ своего помазанника, въ ней произошли ужасныя событія.

Ненависть къ Англіи была въ самомъ разгарѣ, и досада на Америку, заключившую договоръ съ Англіей, гнѣздилась глубоко въ сердцахъ французовъ, вырвавшихся на свободу.

Во главѣ правленія стояла Директорія, правительство изъ пяти человѣкъ. Директорія эта питала глубокую ненависть къ Америкѣ, выражавшуюся во многихъ ея поступкахъ. Въ слѣдствіе этой ненависти, она тяжко оскорбляла Америку, отсылала американскихъ пословъ, даже позволяла французскимъ судамъ въ американскихъ водахъ останавливать купеческіе корабли, грабить ихъ и безчинствовать съ экипажемъ. Это равнялось почти объявленію войны, которая того и гляди грозила разразиться со стороны дерзкихъ французовъ. Казалось, она сейчасъ начнется, и французамъ оставалось только объявить войну,—общепринятый обычай у всѣхъ народовъ.

Въ Америкѣ было большое волненіе. Президентъ Адамсъ созвалъ конгрессъ, чтобъ обсудить мѣры противъ ожидаемой французской высадки.

Тогда поднялись вопросы: Гдѣ нашъ полководецъ? Кто будетъ одушевлять нашу милицію, кто поведетъ ее въ новыя, кровавыя битвы? Кому довѣряемъ и мы, и они? Одинъ отвѣтъ былъ у всѣхъ: *только ему, только Вашингтону!*

Но не сказалъ ли онъ съ твердостью, которую уже испытали: я хочу провести въ мирѣ остатокъ дней моихъ и никогда не приму больше государственной должности? Можно ли было возлагать эту тяжкую и утомительную обязанность на старца, если питали къ нему хоть крошку благодарности?

Вопросъ этотъ мучилъ многихъ, но отъ запада до востока, отъ сѣвера до юга вездѣ раздавалось: нѣтъ никого, кромѣ его!

Неужели онъ откажетъ всѣмъ, откажетъ прось-

бамъ отечества? Развѣ мы не знаемъ вѣрнаго сына родины, гражданина изъ нашей среды, который никогда не думалъ о *себѣ*, когда дѣло касалось отечества? Такъ разсуждалъ народъ, и одно было у него мнѣніе, такъ что президенту и конгрессу ничего не оставалось больше дѣлать, какъ потревожить Вашингтона въ Монтъ-Вернонѣ, объяснить ему всѣ обстоятельства, отношенія къ Франціи и единогласное требованіе народа, съ которымъ соглашается и самый конгрессъ.

Это была неожиданность для Вашингтона.

Впрочемъ, рѣшеніе зависѣло отъ него, и онъ, такъ жаждавшій мира, снова ожидалъ дикихъ сценъ и кровавыхъ битвъ и долженъ былъ рѣшить — промѣнять ли на нихъ свое спокойствіе. Надо было выбирать между собственнымъ счастіемъ и призывомъ родины!

Кто зналъ образъ мыслей Вашингтона, тотъ ни минуты не сомнѣвался въ томъ, что́ онъ изберетъ, и онъ дѣйствительно отвѣтилъ, что когда дѣло дойдетъ до битвы, то за нимъ дѣло не станетъ.

Въ этомъ отношеніи у конгресса были опредѣленныя мнѣнія, и никто не сомнѣвался въ его избраніи, хотя почетное извѣщеніе покуда было отложено.

Снова приходилось Вашингтону проститься съ семьею и мирною жизнью, въ которой онъ такъ нуждался, и которую долгими трудами заслужилъ. Заботы и труды снова стучали въ мирныя двери

его незатѣйливаго сельскаго дома, и онъ принялъ ихъ съ мольбою къ Творцу вселенной, какъ свое назначеніе. Но такъ же, какъ и прежде, отказался отъ всякаго вознагражденія.

Покуда ему было возможно заботиться о войскѣ и, самое трудное и утомительное, найти офицеровъ и выслушивать просьбы желавшихъ получить должность, не выѣзжая изъ Монтъ-Вернона, онъ оставался тамъ; когда это сдѣлалось невозможнымъ, онъ поселился въ Филадельфіи.

Думая, что дѣятельное вооруженіе, покажетъ Директоріи всю важность дѣла и, пожалуй, отобьетъ охоту къ войнѣ, онъ дѣлалъ чрезвычайныя усилія, и конгресъ охотно соглашался на его предложенія.

Такимъ образомъ народъ готовился повсюду отстаивать свою свободу и дать щелчекъ дерзкимъ чужеземцамъ.

Вашингтонъ былъ такъ же дѣятеленъ, какъ и въ юные годы. Все проходило черезъ его руки. Все хотѣлъ онъ видѣть собственными глазами, зная изъ опыта, какое имѣетъ это значеніе, и старался воодушевлять всѣхъ и побуждать къ дѣятельности. Вѣсть о гигантскихъ вооруженіяхъ и о человѣкѣ, который снова былъ душою всего, перелетѣла черезъ океанъ и достигла Директоріи. Та призадумалась начинать войну съ двумя морскими державами (хотя Америка только начинала заводить флотъ) и посылать войска черезъ далекій океанъ

для борьбы, которая была сопряжена съ такими трудностями и могла окончиться неудачей.

Готовность американцевъ къ борьбѣ испугала французовъ. Рѣчи Директоріи стали скромнѣе, и она, наконецъ, изъявила готовность покончить несогласія мирнымъ путемъ.

Какъ ни собирались американцы воевать, но кто же изъ нихъ былъ недоволенъ этимъ извѣстіемъ? Всѣхъ же больше радовался и благодарилъ Бога Вашингтонъ. Онъ снова могъ воротиться въ свой любимый Монтъ-Вернонъ и наслаждаться тамъ тихимъ счастіемъ.

Президентъ Адамсъ также былъ доволенъ этимъ оборотомъ дѣлъ, и конгрессъ отрядилъ въ Европу трехъ пословъ для переговоровъ о прочномъ мирѣ.

Во Франціи между тѣмъ дѣла значительно измѣнились. Въ Парижѣ они не нашли больше Директоріи.

Тамъ достигъ высшей степени могущества и славы, единственно смѣлостью и силою духа, одинъ человѣкъ. Кто не знаетъ его — Наполеона Бонапарте?

Директорія не годилась такъ же, какъ и совѣтъ пяти сотъ, какъ и совѣтъ старцевъ. Это сознавалъ не одинъ Наполеонъ, но и многіе во Франціи; но многіе эти были не онъ, воспользовавшійся счастливой минутой. Съ помощью арміи, онъ низринулъ Директорію. Онъ ворвался съ преданными ему гренадерами въ залу, гдѣ собирался „совѣтъ пяти

сотъ“ и разогналъ его. То же сдѣлалъ бы онъ при случаѣ и съ „совѣтомъ старцевъ, но они были необходимы ему, чтобы назвать его первымъ консуломъ“ Франціи, т. е. единственнымъ владыкой французовъ. Мы знаемъ, что *Онъ* умѣлъ обходиться съ ними и повелѣвать ими.

Такимъ образомъ перемѣнились обстоятельства, и новый *первый консулъ* не хотѣлъ затѣвать новой войны, думая прежде управиться съ Англіей. Мирный договоръ былъ заключенъ, послы могли возвратиться домой съ облегченнымъ сердцемъ. Тамъ тоже всѣ радовались, тѣмъ болѣе, что еще не совсѣмъ зажили раны прежней войны.

Вашингтонъ снова воротился въ мирный Монтъ-Вернонъ, не думая, что пришелъ конецъ его жизненному пути, благословенному для отечества и для многихъ, очень многихъ; часто не признавали этого, — участь всѣхъ благородныхъ, — но путь этотъ былъ блистательный.

12 декабря 1799 года погода была хотя и не теплая, но небо было ясно, такъ что никто не думалъ, что въ полдень выпадетъ снѣгъ и покроетъ землю. Вашингтонъ, какъ и всегда, послѣ обѣда выѣхалъ къ работникамъ въ поле.

Ему было пріятно на свѣжемъ воздухѣ; нѣсколько часовъ ѣздилъ онъ по своимъ дѣламъ, а на одномъ мѣстѣ простоялъ даже довольно долго, придумывая улучшенія. Было уже четыре часа, когда онъ поѣхалъ домой. До дому было довольно

далеко, а между тѣмъ поднялась холодная мятель, и пошелъ снѣгъ. Озябнувъ и промокнувъ до костей, воротился онъ домой.

Онъ тотчасъ же переодѣлся, но дрожь пробирала его даже передъ теплымъ каминомъ.

Ночью заболѣло у него жестоко горло, и онъ охрипъ.

Онъ успокоивалъ озабоченныхъ родныхъ и считалъ это небольшой простудой, которая скоро пройдетъ. Днемъ онъ даже вышелъ на воздухъ и погулялъ близъ дома, гдѣ былъ сметенъ снѣгъ. Вечеромъ былъ веселъ, разговаривалъ, читалъ газеты, пока не пришло время ложиться спать. Но ночью у него открылась жестокая лихорадка, такъ что къ разсвѣту онъ едва могъ дышать и говорить.

Къ несчастію, врачъ жилъ за двѣ мили, въ Александріи. Къ нему поскакалъ гонецъ. Тотъ, наконецъ, прибылъ, пустилъ Вашингтону кровь, но это не помогало. Домашніе испугались и послали еще за двумя докторами. Тѣ пріѣхали въ это же утро, но всѣ средства, которыя употребляли они, не принесли даже облегченія больному.

Онъ обратился къ одному врачу: „Мнѣ трудно, но я не боюсь смерти. Я предчувствовалъ ее, какъ только заболѣлъ. Жить недолго.“ Онъ благодарилъ докторовъ за заботу и просилъ ихъ дать ему умереть спокойно.

Безмолвно простился онъ съ семействомъ. Всѣ были въ слезахъ.

Онъ становился все слабѣе и слабѣе и вечеромъ въ 11 часу скончался, не теряя сознанія до самой смерти. Ему было 68 лѣтъ.

18 декабря его похоронили въ фамильномъ склепѣ. Слухъ о его смерти неимовѣрно скоро пронесся по всей Америкѣ. Это была печальная вѣсть для всѣхъ безъ исключенія. Ни объ одномъ простомъ гражданинѣ не плакали и не горевали такъ!

Въ тотъ день, когда получили это извѣстіе, засѣданіе конгресса было отмѣнено. Въ первомъ же засѣданіи одинъ изъ членовъ произнесъ трогательную рѣчь. Выборные рѣшили собраться всѣ къ президенту, чтобъ выразить ему свою глубокую печаль, чтобы кресло оратора обито было трауромъ, всѣ были одѣты въ трауръ, чтобы согласиться съ сенатомъ о способѣ увѣковѣчить память покойнаго. Сенатъ охотно присталъ къ нимъ. Сенатъ опредѣлилъ поставить ему мраморный памятникъ, устроить поминки въ обѣихъ палатахъ конгресса, и всѣмъ жителямъ Соединенныхъ Штатовъ мѣсяцъ носить на рукѣ траурный бантъ въ знакъ того, что вся страна горюетъ о потерѣ лучшаго гражданина; наконецъ, президентъ долженъ былъ выразить вдовѣ искреннее сочувствіе конгресса. Все это было исполнено, но важнѣе было горе *въ сердцѣ* каждаго. Всѣ признавали что: „*первый въ войнѣ, первый въ мирѣ, занималъ первое мѣсто и въ сердцахъ всѣхъ гражданъ.*“ Вся Европа сочувствовала горю Аме-

рики, даже въ Англіи знаменитый Фоксъ возвысилъ голосъ, чтобъ воздать хвалу Вашингтону.

Мы тоже должны признать это, если обратимъ взоры на возрождавшуюся тогда Америку. Въ ней всему основаніе положено Вашингтономъ; и въ мирѣ, и въ войнѣ трудился онъ надъ этимъ до поздней старости.

Мы прослѣдили всю жизнь Вашингтона отъ колыбели до могилы и убѣдились, что въ Монтъ-Вернонѣ покоится прахъ вѣровавшаго, скромнаго человѣка, богатаго знаніями, мудростію и опытомъ, — человѣка, отличавшагося строгою честностью, безкорыстіемъ, безпристрастіемъ и смиреніемъ. Мы видѣли также, что Америка потеряла въ немъ лучшаго гражданина и величайшаго благодѣтеля. Пускай же потомство благословляетъ память его.

КОНЕЦЪ.

Гофманъ. Ф. Вѣрность преодолѣваетъ всѣ препятствія. Разсказъ для дѣтей. Перев. съ нѣмецкаго. Съ 4 картинками на стали. Въ 12 д. л. Изданіе Вольфа. Ц. 1 р.

— Завалены снѣгомъ. Истинное происшествіе. Съ 4 картинками на стали. Въ 12 д. л. Изд. Вольфа. Ц. 1 р.

— Птицеловъ. Повѣсть для дѣтей. Перев. съ нѣмецкаго. Въ 16 д. л. Съ 4 раскрашенными картинками, въ переплетѣ. Изд. Вольфа. Ц. 1 р.

— Счастіе отъ напасти. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Перевелъ съ нѣмецкаго Ѳедоръ Э... Въ 16 д. л., съ 4 раскрашенными картинками, въ красивомъ переплетѣ. Изд. Вольфа. Ц. 1 р.

— Яковъ Эрлихъ. Разсказъ для юношества. Перев. съ нѣмецкаго. Съ 4 картинками на стали. Въ 8 д. л. Изданіе Вольфа. Ц. 1 р.

Дай, Томасъ. Сандфордъ и Мертонъ. Разсказъ для дѣтей. Перев. съ англійскаго. Съ рисунками въ текстѣ. Въ 16 д. л., въ папкѣ. Изд. Вольфа. Ц. 1 р. 25 к.

Де-Мэстръ. Параша Лупалова. Въ 16 д. л. Съ 6 хромолитографированными картинками, въ картонномъ переплетѣ. Изд. Вольфа. Ц. 1 р.

Деревицкая. Живая кукла, или подарокъ на новый годъ. Нравственная повѣсть для дѣтей. Въ 16 д. л. Въ картонномъ переплетѣ. Ц. 60 к.

Де-Фоэ, Даніель. Путешествія и удивительныя приключенія Робинзона Крузэ, вновь обработанныя, съ прибавленіемъ жизнеописанія Даніеля Де-Фоэ, Л. Гютнеромъ и Ц. Ф. Лаукартомъ. Переводъ И. Бѣлова. Съ 110 рисунками въ текстѣ. Въ 8 д. л. Изд. Вольфа. Ц. 2 р. 50 к.

Добро и зло, изображенное въ разсказѣ о Розѣ и Агнесѣ. Перев. съ англійскаго. Въ 16 д. л., въ картонажѣ. Ц. 1 р.

Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Разсказъ для дѣтей. Перев. съ французскаго А. Греча. Изд. 2-е, исправленное. Въ 16 д. л. Съ 6 въ два тона печатанными картинками, переплетенный въ красивую папку. Изд. Вольфа. Ц. 1 р.

Дѣдушкины сказки для внука. Съ 20 рисунками Гассе и Биркнера. Въ 8 д. л., въ переплетѣ. Изд. Вольфа. Ц. 1 р. 50 к.

Дюма. Преданіе о графинѣ Бертѣ, или замокъ Витсгау. Съ политипажами въ текстѣ. Въ 8 д. л. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Жирарденъ. Четыре сказки для дѣтей. Перев. съ французскаго. Въ 16 д. л., съ картинками, въ изящномъ, съ золотыми тисненіями, картонномъ переплетѣ. Изд. Вольфа. Ц. 1 р. 25 к.

Жуковскій. Русскія сказки въ иллюстраціяхъ. Выпускъ II. Сказка объ Иванѣ Царевичѣ и сѣромъ волкѣ. Рисунки В. Анненскаго. Въ 4 д. л., съ 17 хромолитографированными рисунками въ 12 красокъ, въ великолѣпномъ переплетѣ. Изданіе Вольфа. Ц. 2 р. 75.

